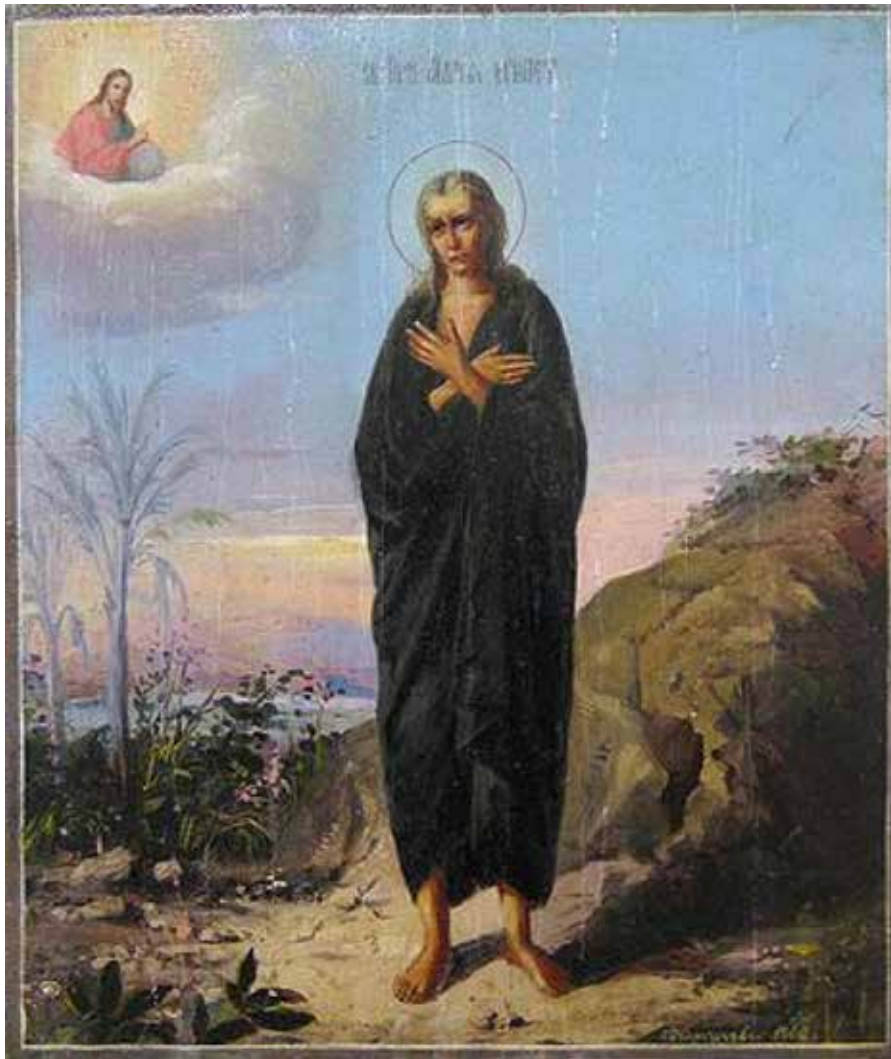

Православный ВЕСТНИК

МАРТ 2023

Свято-Николаевский Храм Русской
Православной Церкви Заграницей
г. Аделаида, Австралия

Содержание

3 Преподобная Мария
Египетская

9 О поклонах

15 Зачем человеку старость

20 Жадный монах

22 Сон, который должен
опять вернуться

26 Обопрись на Бога! Он не
оставит

29 Нравственный человек

30 Когда прощаешь, уже
не важно, кто был прав

30 Соборование

Редакционная коллегия:

Иерей Алексей Жуков,
Константин и Наталия Жуковские

www.saintnicholasadelaide.org.au

e-mail: St.Nicholas.Vestnik@gmail.com

Преподобная Мария Египетская

В одном палестинском монастыре в окрестностях Кесарии жил преподобный инок Зосима. Отданный в монастырь с самого детства, он подвизался в нём до 53 лет, когда был смущён помыслом: “Найдётся ли и в самой дальней пустыне святой муж, превзошедший меня в трезвении и делании?”

Лишь только он помыслил так, ему явился Ангел Господень и сказал: “Ты, Зосима, по человеческой мере неплохо подвизался, но из людей нет праведного ни одного (Рим. 3:10). Чтобы ты уразумел, сколько есть ещё иных и высших образов спасения, выйди из этой обители, как Авраам из дома отца своего (Быт. 12:1), и иди в монастырь, расположенный при Иордане”.

Тотчас авва Зосима вышел из монастыря и вслед за Ангелом пришёл в Иорданский монастырь и поселился в нём. Здесь увидел он старцев, истинно просиявших в подвигах. Авва Зосима стал подражать святым инокам в духовном делании.

Так прошло много времени, и приблизилась святая Четыредесятница. В монастыре существовал обычай, ради которого и привёл сюда Бог преподобного Зосиму. В первое воскресенье Великого поста служил игумен Божественную литургию, все причащались Пречистого Тела и Крови Христовых, вкушали затем малую трапезу и снова собирались в церкви.

Сотворив молитву и положенное число земных поклонов, старцы, испросив друг у друга прощения, брали благословение у игумена и под общее пение псалма “Господь просвещение мое и Спаситель мой: кого убоюся? Господь Защититель живота моего: от кого усташуся?” (Пс. 26, 1) открывали монастырские ворота и уходили в пустыню.

Каждый из них брал с собой умеренное количество пищи, кто в чём нуждался, некоторые же и вовсе ничего не брали в пустыню и питались кореньями. Иноки переходили за Иордан и расходились как можно дальше, чтобы не видеть, как кто постится и подвизается.

Когда заканчивался Великий пост, иноки

возвращались в монастырь на Вербное воскресенье с плодом своего делания (Рим. 6:21–22), испытав свою совесть (1 Пет. 3:16). При этом никто ни у кого не спрашивал, как он трудился и совершал свой подвиг.

В тот год и авва Зосима, по монастырскому обычаю, перешёл Иордан. Ему хотелось глубже зайти в пустыню, чтобы встретить кого-нибудь из святых и великих старцев, спасающихся там и молящихся за мир.

Он шёл по пустыне 20 дней и однажды, когда он пел псалмы 6-го часа и творил обычные молитвы, вдруг справа от него показалась как бы тень человеческого тела. Он ужаснулся, думая, что видит бесовское привидение, но, перекрестившись, отложил страх и, окончив молитву, обратился в сторону тени и увидел идущего по пустыне обнажённого человека, тело которого было черно от солнечного зноя, а выгоревшие короткие волосы побелели, как агнее руно. Авва Зосима обрадовался, так как за эти дни не видел ни одного живого существа, и тотчас направился в его сторону.

Но лишь только нагой пустынный увидел идущего к нему Зосиму, тотчас пустился от него бежать. Авва Зосима, забыв свою старческую немощь и усталость, ускорил шаг. Но вскоре он в изнеможении остановился у высохшего ручья и стал слёзно умолять удалявшегося

подвижника: “Что ты бежишь от меня, грешного старца, спасающийся в этой пустыне? Подожди меня, немощного и недостойного, и подай мне твою святую молитву и благословение, ради Господа, не гнушавшегося никогда никем”.

Неизвестный, не оборачиваясь, крикнул ему: “Прости, авва Зосима, не могу, обратившись, явиться лицу твоему: я ведь женщина, и нет на мне, как видишь, никакой одежды для прикрытия телесной наготы. Но если хочешь помолиться обо мне, великой и окаянной грешнице, брось мне покрыться свой плащ, тогда смогу подойти к тебе под благословение”.

“Не знала бы она меня по имени, если бы святостью и неведомыми подвигами не стяжала дара прозорливости от Господа”, – подумал авва Зосима и поспешил исполнить сказанное ему.

Прикрывшись плащом, подвижница обратилась к Зосиме: “Что вздумалось тебе, авва Зосима, говорить со мной, женщиной грешной и немудрой? Чему желаешь ты у меня научиться и, не жалея сил, потратил столько трудов?”. Он же, преклонив колена, просил у неё благословения. Так же точно и она преклонилась пред ним, и долго оба один другого просили: “Благослови”. Наконец подвижница сказала: “Авва Зосима, тебе подобает благословить и молитву сотворить, так как ты почтен саном пресвитерским и многие годы, предстоя Христову алтарю, приносишь Господу Святые Дары”.

Эти слова ещё больше устрешили преподобного Зосиму. С глубоким вздохом он отвечал ей: “О мать духовная! Явно, что ты из нас двоих больше приблизилась к Богу и умерла для мира. Ты меня по имени узнала и пресвитером назвала, никогда меня прежде не видел. Твоей мере надлежит и благословить меня. Господа ради”.

Уступив наконец упорству Зосимы, преподобная сказала: “Благословен Бог, хотящий спасения всем человекам”. Авва Зосима ответил “Аминь”, и они встали с земли. Подвижница снова сказала старцу: “Чего ради пришёл ты, отче, ко мне, грешнице, лишённой всякой добродетели? Впрочем, видно, благодать Духа Святого наставила тебя сослужить одну службу, потребную моей душе. Скажи мне прежде, авва, как живут ныне христиане,

как растут и благоденствуют святые Божии Церкви?”

Авва Зосима отвечал ей: “Вашими святыми молитвами Бог даровал Церкви и нам всем совершенный мир. Но внемли и ты мольбе недостойного старца, мать моя, помолись, ради Бога, за весь мир и за меня, грешного, да не будет мне бесплодным это пустынное хождение”.

Святая подвижница сказала: “Тебе скорее надлежит, авва Зосима, имея священный чин, за меня и за всех молиться. На то тебе и сан дан. Впрочем, все поведенное мне тобою охотно исполню ради послушания Истине и от чистого сердца”.

Сказав так, святая обратилась на восток и, возведя очи и подняв руки к небу, начала шёпотом молиться. Старец увидел, как она поднималась в воздухе на локоть от земли. От этого чудного видения Зосима повергся ниц, усердно молясь и не смея произнести ничего, кроме “Господи, помилуй!”

Ему пришёл в душу помысл – не привидение ли это вводит его в соблазн? Преподобная подвижница, обернувшись, подняла его с земли и сказала: “Что тебя, авва Зосима, так смущают помыслы? Не привидение я. Я – женщина грешная и недостойная, хотя и ограждена святым Крещением”.

Сказав это, она осенила себя крестным знаменiem. Видя и слыша это, старец пал со слезами к ногам подвижницы: “Умоляю тебя Христом, Богом нашим, не таи от меня своей подвижнической жизни, но расскажи её всю, чтобы сделать явным для всех величие Божие. Ибо верую Господу Богу моему, Им же и ты живёшь, что для того и был я послан в эту пустыню, чтобы все твои постнические деяния сделал Бог явными для мира”.

И святая подвижница сказала: “Смущаюсь, отче, рассказывать тебе о бесстыдных моих делах. Ибо должен будешь тогда бежать от меня, закрыв глаза и уши, как бегут от ядовитой змеи. Но всё же скажу тебе, отче, не умолчав ни о чём из моих грехов, ты же, заклинаю тебя, не преставай молиться за меня, грешную, да обрящу дерзновение в День Суда.

Родилась я в Египте и ещё при жизни родителей, двенадцати лет отроду, покинула их и ушла в Александрию. Там лишилась я своего целомудрия и предалась безудержному

и ненасытному любодееанию. Более семнадцати лет невозбранно предавалась я греху и совершала всё безвозмездно. Я не брала денег не потому, что была богата. Я жила в нищете и зарабатывала пряжей. Думала я, что весь смысл жизни состоит в утолении плотской похоти.

Проводя такую жизнь, я однажды увидела множество народа, из Ливии и Египта шедшего к морю, чтобы плыть в Иерусалим на праздник Воздвижения Святого Креста. Захотелось и мне плыть с ними. Но не ради Иерусалима и не ради праздника, а – прости, отче, – чтобы было больше с кем предаваться разврату. Так села я на корабль.

Теперь, отче, поверь мне, я сама удивляюсь, как море стерпело моё распутство и любодееание, как земля не разверзла своих уст и не свела меня заживо в ад, прельстившую и погубившую столько душ... Но, видно, Бог желал моего покаяния, не хотя смерти грешника и с долготерпением ожидая обращения.

Так прибыла я в Иерусалим и во все дни до праздника, как и на корабле, занималась скверными делами. Когда наступил святой праздник Воздвижения Честного Креста Господня, я по-прежнему ходила, уловляя души юных в грех. Увидев, что все очень рано пошли в церковь, в которой находилось Животворящее Древо, я пошла вместе со всеми и вошла в церковный притвор. Когда настал час Святого Воздвижения, я хотела войти со всем народом в церковь. С большим трудом пробравшись к дверям, я, окаянная, пыталась втиснуться внутрь. Но едва я ступила на порог, как меня остановила некая Божия сила, не давая войти, и отбросила далеко от дверей, между тем как все люди шли беспрепятственно. Я думала, что, может быть, по женскому слабосилию не могла протиснуться в толпе, и опять попыталась локтями расталкивать народ и пробираться к двери. Сколько я ни трудилась, войти не смогла. Как только моя нога касалась церковного порога, я останавливалась. Всех принимала церковь, никому не возбраняла войти, а меня, окаянную, не пускала. Так было три или четыре раза. Силы мои иссякли. Я отошла и встала в углу церковной паперти.

Тут я почувствовала, что это грехи мои возбраняют мне видеть Животворящее Древо, сердца моего коснулась благодать Господня,

я зарыдала и стала в покаянии бить себя в грудь. Вознося Господу воздыхания из глубины сердца, я увидела пред собой икону Пресвятой Богородицы и обратилась к ней с молитвой: “О Дева, Владычица, родившая плотию Бога – Слово! Знаю, что недостойна я смотреть на Твою икону. Праведно мне, блуднице ненавидимой, быть отвергнутой от Твоей чистоты и быть для Тебя мерзостью, но знаю и то, что для того Бог и стал человеком, чтобы призвать грешных на покаяние. Помоги мне, Пречистая, да будет мне позволено войти в церковь. Не возбрани мне видеть Древо, на котором плотию был распят Господь, проливший Свою неповинную Кровь и за меня, грешную, за избавление моё от греха. Повели, Владычице, да отверзнутся и мне двери святого поклонения Крестного. Ты мне будь доблестной Поручительницей к Родившемуся от Тебя. Обещаю Тебе с этого времени уже не осквернять себя более никакою плотскою скверной, но как только увижу Древо Креста Сына Твоего, отрекись от мира и тотчас уйду туда, куда Ты как Поручительница наставишь меня”.

И когда я так помолилась, почувствовала вдруг, что молитва моя услышана. В умилении веры, надеясь на Милосердную Богородицу, я опять присоединилась к входящим в храм, и никто не оттеснил меня и не возбранил мне войти. Я шла в страхе и трепете, пока не дошла до двери и сподобилась видеть Животворящий Крест Господень.

Так познала я тайны Божии и, что Бог готов принять кающихся. Пала я на землю, помолилась, облобызала святыни и вышла из храма, спеша вновь предстать пред моей Поручительницей, где дано было мной обещание. Преклонив колени пред иконой, так молилась я пред ней:

“О Благолюбивая Владычица наша, Богородица! Ты не возгнушалась молитвы моей недостойной. Слава Богу, приемлющему Тобой покаяние грешных. Настало мне время исполнить обещание, в котором Ты была Поручительницей. Ныне, Владычица, направь меня на путь покаяния”.

И вот, не кончив ещё своей молитвы, слышу голос, как бы говорящий издалека: “Если перейдёшь за Иордан, то обретёшь блаженный покой”.

Я тотчас уверовала, что этот голос был ради меня, и, плача, воскликнула к Богородице: “Владычица Богородица, не оставь меня!”

И тотчас вышла я из церковного притвора и пошла прочь. Один человек дал мне три медные монеты. На них я купила себе три хлеба и у продавца узнала путь на Иордан.

На закате я дошла до церкви святого Иоанна Крестителя близ Иордана. Поклонившись прежде всего в церкви, я тотчас спустилась к Иордану и омыла его святою водой лицо и руки. Затем я причастилась в храме святого Иоанна Предтечи Пречистых и Животворящих Тайн Христовых, съела половину от одного из своих хлебов, запила его святой Иорданской водой и проспала ту ночь на земле у храма. Наутро же, найдя недалеко небольшой чёлн, я переправилась в нём через реку на другой берег и опять горячо молилась Наставнице моей, чтобы Она направила меня, как Ей Самой будет угодно. Сразу же после того я и пришла в эту пустыню”.

Авва Зосима спросил у преподобной: “Сколько же лет, мать моя, прошло с того времени, как ты поселилась в этой пустыне?” – “Думаю, – отвечала она, – 47 лет прошло, как вышла я из Святого Града”.

Авва Зосима вновь спросил: “Что имеешь или что находишь ты себе в пищу здесь, мать моя?” И она отвечала: “Было со мной два с половиной хлеба, когда я перешла Иордан, потихоньку они иссохли и окаменели, и, вкушая понемногу, многие годы я питалась от них”.

Опять спросил авва Зосима: “Неужели без болезней пребывала ты столько лет? И никаких искушений не принимала от внезапных прилогов и соблазнов?” – “Верь мне, авва Зосима, – отвечала преподобная, – 17 лет провела я в этой пустыне, словно с лютыми зверями борясь со своими помыслами... Когда я начинала вкушать пищу, тотчас приходил помысл о мясе и рыбе, к которым я привыкла в Египте. Хотелось мне и вина, потому что я много пила его, когда была в миру. Здесь же, не имея часто простой воды и пищи, я люто страдала от жажды и голода. Терпела я и более сильные бедствия: мной овладевало желание любодейных песен, они будто слышались мне, смущая сердце и слух. Плача и бия себя в грудь, я вспоминала тогда обеты, которые

давала, идя в пустыню, пред иконой Святой Богородицы, Поручницы моей, и плакала, моля отогнать терзавшие душу помыслы. Когда в меру молитвы и плача совершалось покаяние, я видела отовсюду мне сиявший Свет, и тогда вместо бури меня обступала великая тишина.

Блудные же помыслы, прости, авва, как исповедаю тебе? Страстный огонь разгорался внутри моего сердца и всю опалял меня, возбуждая похоть. Я же при появлении окаянных помыслов повергалась на землю и словно видела, что предо мной стоит Сама Пресвятая Поручительница и судит меня, преступившую данное обещание. Так не вставала я, лёжа ниц день и ночь на земле, пока вновь не совершалось покаяние и меня не окружал тот же блаженный Свет, отгонявший злые смущения и помышления.

Так жила я в этой пустыне первые семнадцать лет. Тьма за тьмой, беда за напастью обстояли меня, грешную. Но с того времени и доньше Богородица, Помощница моя, во всём руководствует мною”.

Авва Зосима опять спрашивал: “Неужели тебе не потребовалось здесь ни пищи, ни одеяния?”

Она же отвечала: “Хлебы мои кончились, как я сказала, в эти семнадцать лет. После того я стала питаться кореньями и тем, что могла обрести в пустыне. Платье, которое было на мне, когда перешла Иордан, давно разодралось и истлело, и мне много потом пришлось терпеть и бедствовать и от зноя, когда меня палила жара, и от зимы, когда я тряслась от холода. Сколько раз я падала на землю, как мёртвая. Сколько раз в безмерном борении пребывала с различными напастями, бедами и искушениями. Но с того времени и до нынешнего дня сила Божия неведомо и многообразно соблюдала мою грешную душу и смиренное тело. Питалась и покрывалась я глаголом Божиим, всё содержащим (Втор. 8:3), ибо *не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4:4; Лк. 4:4). И совлекшиеся греховного одеяния не имеют убежища, укрываясь среди каменных расселин (ср. Иов. 24:8; Евр. 11:38; Кол. 3:9). Как вспоминала, от сколького зла и каких грехов избавил меня Господь, в том находила я пищу неистощимую”.

Когда авва Зосима услышал, что и от Священного Писания говорит на память святая подвижница – от книг Моисея и Иова и от псалмов Давидовых, – тогда спросил преподобную: “Где, мать моя, научилась ты псалмам и иным книгам?”

Она улыбнулась, выслушав этот вопрос, и отвечала так: “Поверь мне, человек Божий, ни единого не видела человека, кроме тебя, с тех пор, как перешла Иордан. Книгам и раньше никогда не училась, ни пения церковного не слышала, ни Божественного чтения. Разве что Само Слово Божие, живое и всетворческое, учит человека всякому разуму (Кол. 3:16; 2 Пет. 1:21; 1 Фес. 2:13). Впрочем, довольно, уже всю жизнь мою я исповедала тебе, но с чего начинала, тем и кончаю: заклинаю тебя воплощением Бога-Слова – молись, святой авва, за меня, великую грешницу.

И ещё заклинаю тебя Спасителем, Господом нашим Иисусом Христом – всё то, что слышал ты от меня, не сказывай ни единому до тех пор, пока Бог не возьмёт меня от земли. И исполни то, о чём я сейчас скажу тебе. Будущим годом, в Великий пост, не ходи за Иордан, как ваш иноческий обычай повелевает”.

Опять удивился авва Зосима, что и чин их монастырский известен святой подвижнице, хотя он пред нею не обмолвился о том ни одним словом.

“Пребудь же, авва, – продолжала преподобная, – в монастыре. Впрочем, если и захочешь выйти из монастыря, ты не сможешь... А когда наступит святой Великий четверг Тайной Вечери Господней, вложи в святой сосуд Животворящего Тела и Крови Христа, Бога нашего, и принеси мне. Жди же меня на той стороне Иордана, у края пустыни, чтобы мне, придя, причаститься Святых Таин. А авве Иоанну, игумену вашей обители, так скажи: смотри за собой и своей братией, во многом надо вам исправиться. Впрочем, не хочу, чтобы ты теперь сказал ему это, но когда укажет Господь”.

Сказав так и испросив ещё раз молитв, преподобная повернулась и ушла в глубину пустыни. Весь год старец Зосима пребывал в молчании, никому не смея открыть явленное ему Господом, и прилежно молился, чтобы Господь сподобил его ещё раз увидеть святую

подвижницу.

Когда же вновь наступила первая седмица святого Великого поста, преподобный Зосима из-за болезни должен был остаться в монастыре. Тогда он вспомнил пророческие слова преподобной о том, что не сможет выйти из монастыря. По прошествии нескольких дней преподобный Зосима исцелился от недуга, но всё же остался до Страстной седмицы в монастыре.

Приблизился день воспоминания Тайной вечери. Тогда авва Зосима исполнил указанное ему – поздним вечером вышел из монастыря к Иордану и сел на берегу в ожидании. Святая медлила, и авва Зосима молил Бога, чтобы Он не лишил его встречи с подвижницей.

Наконец преподобная пришла и стала по ту сторону реки. Радуюсь, преподобный Зосима поднялся и славил Бога. Ему пришла мысль: как она сможет без лодки перебраться через Иордан? Но преподобная, крестным знамением перекрестив Иордан, быстро пошла по воде. Когда же старец хотел поклониться ей, она запретила ему, крикнув с середины реки: “Что творишь, авва? Ведь ты – священник и несёшь Божественные Тайны!”

Перейдя реку, преподобная сказала авве Зосиме: “Благослови, отче”. Он же отвечал ей с трепетом, ужаснувшись о дивном видении: “Воистину неложен Бог, обещавший уподобить Себе всех очищающихся, насколько это возможно смертным. Слава Тебе, Христе Боже наш, показавшему мне через святую рабу Свою, как далеко отстою от меры совершенства”.

После этого преподобная просила его прочитать “Верую” и “Отче наш”. По окончании молитвы она, причастившись Святых Страшных Христовых Таин, простерла руки к небу и со слезами и трепетом произнесла молитву святого Симеона Богоприимца: “Ныне отпускаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое”.

Затем вновь преподобная обратилась к старцу и сказала: “Прости, авва, ещё исполни и другое моё желание. Иди теперь в свой монастырь, а на следующий год приходи к тому иссохшему потоку, где мы первый раз говорили с тобой”. “Если бы возможно мне было, – отвечал авва Зосима, – непрестанно за тобой ходить, чтобы

лицезреть твою святость!” Преподобная снова просила старца: “Молись, Господа ради, молись за меня и вспоминай мое окаянство”. И, крестным знамением осенив Иордан, она, как прежде, прошла по водам и скрылась во тьме пустыни. А старец Зосима возвратился в монастырь в духовном ликовании и трепете и в одном укорял себя, что не спросил имени преподобной. Но он надеялся на следующий год узнать её имя.

Прошёл год, и авва Зосима снова отправился в пустыню. Молясь, он дошёл до иссохшего потока, на восточной стороне которого увидел святую подвижницу. Она лежала мёртвая, со сложенными, как подобает, на груди руками, лицом обращённая к востоку. Авва Зосима омыл слезами её стопы, не дерзая касаться тела, долго плакал над усопшей подвижницей и стал петь псалмы, подобающие скорби о кончине праведных, и читать погребальные молитвы. Но он сомневался, угодно ли будет преподобной, если он погребёт её. Только он это помыслил, как увидел, что у главы её начертано: “Погреби, авва Зосима, на этом месте тело смиренной Марии. Воздай персть персти. Моли Господа за меня, преставльшуюся месяца апреля в первый день, в самую ночь спасительных страданий Христовых, по причащении Божественной Тайной Вечери”.

Прочитав эту надпись, авва Зосима удивился сначала, кто мог сделать её, ибо сама подвижница не знала грамоты. Но он был рад наконец узнать её имя. Понял авва Зосима, что преподобная Мария, причастившись Святых Тайн на Иордане из его рук, во мгновение прошла свой дальний пустынный путь, которым он, Зосима, шествовал двадцать дней, и тотчас отошла ко Господу.

Прославив Бога и омочив слезами землю и тело преподобной Марии, авва Зосима сказал себе: “Пора уже тебе, старец Зосима, совершить сказанное тебе. Но как сумеешь ты, окаянный, ископать могилу, ничего не имея в руках?” Сказав это, он увидел невдалеке в пустыне лежавшее поверженное дерево, взял его и начал копать. Но слишком суха была земля, сколько ни копал он, обливаясь потом, ничего не мог сделать. Распрявившись, авва Зосима увидел у тела преподобной Марии огромного льва, который лизал её стопы. Старца объял страх,

но он осенил себя крестным знамением, веруя, что останется невредим молитвами святой подвижницы. Тогда лев начал ласкаться к старцу, и авва Зосима, возгораясь духом, приказал льву ископать могилу, чтобы предать земле тело святой Марии. По его слову лев лапами ископал ров, в котором и было погребено тело преподобной. Исполнив завещанное, каждый пошёл своей дорогой: лев – в пустыню, а авва Зосима – в монастырь, благословляя и хваля Христа, Бога нашего.

Придя в обитель, авва Зосима поведал монахам и игумену, что видел и слышал от преподобной Марии. Все дивились, слушая о величии Божиим, и со страхом, верой и любовью установили творить память преподобной Марии и почитать день её преставления. Авва Иоанн, игумен обители, по слову преподобной, с Божией помощью исправил в обители то, что надлежало. Авва Зосима, пожив ещё Богоугодно в том же монастыре и немного не дожив до ста лет, окончил здесь свою временную жизнь, перейдя в жизнь вечную.

Так передали нам дивную повесть о житии преподобной Марии Египетской древние подвижники славной обители святого всехвального Предтечи Господня Иоанна, расположенной на Иордане. Повесть эта первоначально не была ими записана, но передавалась благоговеино святыми старцами от наставников к ученикам.

Я же, – говорит святитель Софроний, архиепископ Иерусалимский, первый описатель Жития, – что принял в свой черед от святых отцов, все предал письменной повести.

Бог, творящий великие чудеса и великими дарованиями воздающий всем, с верою к Нему обращающимся, да вознаградит и читающих, и слушающих, и передавших нам эту повесть и сподобит нас благой части с блаженной Марией Египетской и со всеми святыми, богомыслием и трудами своими угодившими Богу от века. Дадим же и мы славу Богу Царю вечному, да и нас сподобит милость обрести в День Судный о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же подобает всякая слава, честь, и держава, и поклонение со Отцем, и Пресвятым и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

<https://days.pravoslavie.ru/Life/life754.htm>

О ПОКЛОНАХ

Покло́н — символическое действие, преклонение главы и тела, выражающее смирение и благоговение перед Богом.

Бывают поклоны великие, называемые также земными, — когда молящийся становится на колени и прикасается главой земли, и малые, или поясные, — поясное преклонение главы и тела.

Церковь никогда не отделяла души от тела. Поклоны — это молитва тела.

«Надо нудить себя и против воли делать усердные поклоны; это нужно против гордости нашей, гнездящейся в глубине сердца. Гордость не любит кланяться» (праведный Иоанн Кронштадтский).

Малые поклоны совершаются при всех храмовых и домашних молитвословиях. На богослужении, когда священник благословляет рукой, малый поклон делается без крестного знамения.

Великие постовые поклоны — троекратные земные поклоны с крестным знамением и чтением молитвы св. Ефрема Сирина, разделенной на три стиха.

Церковный Устав требует, чтобы мы совершали поклоны в храме Божиим истово, чинно, неторопливо и своевременно. Поклоны, коленопреклонения надо совершать по окончании каждого краткого прошения ектении или молитвословия, а не во время его чтения или пения. **Недопустимо класть поклоны одновременно с совершением крестного знамения.**

О недопустимости земных поклонов в дни воскресные и великих праздников

Не положены земные поклоны в дни воскресные (20-е правило 1-го и 90-е правило 6-го Вселенских Соборов) и великих праздников, в дни от Рождества Христова до Крещения, от Пасхи до Пятидесятницы, также причастникам в день причащения.

Также см. в Типиконе: “[Не до земли творит поклоны, но малая, приклоня главу, дондеже рукою достигнет до земли. В неделю бо и владычній праздник, и в пятидесятницу всю, колена не преклоняют]”.

Глава 2. Чин великия вечерни, сиесть бдения всенощнаго и утрени воскресныя, в нейже и чин о Панагии. Типикон. М.: Издательский совет РПЦ, 2002. — С. 25.

Стояние на коленях ни во время Литургии, ни во время Всенощного бдения Уставом не предусмотрено. Следует различать поклоны и редкий обычай стояния на коленях. Преклоняя колени в земном поклоне мы выражаем смирение и благоговение перед Творцом вселенной, сразу же поднимаясь мы исповедуем, что Господь уже совершил наше искупление (дал нам всё необходимое для спасения).

свт. Афанасий (Сахаров):

«Православная Церковь заповедует своим сынам во все воскресные дни и в великие Господские праздники во время молитвы, как на общественном богослужении, так и на домашнем, келейном правиле, совсем не преклонять своих колен, ибо коленопреклонение знаменует рабское состояние и наше падение. В воскресные же дни и в великие праздники мы славим Господа за наше спасение и, как бы забывая о грехе, отчуждившем нас от Бога, с сыновним дерзновением, стоя прямо, открытым лицом взирая на Него, вопием: «Авва, Отче!»

Узаконение об отмене коленопреклонений в воскресные дни восходит к глубокой, первохристианской древности. Уже 1-й Вселенский Собор 20-м правилом своим постановляет: «Понеже суть некоторые преклоняющие колена в день Господень и во дни Пятидесятницы, то дабы во всех епархиях все одинаково соблюдено было, угодно Святому Собору да стояще приносят

молитвы Богу». И 6-й Вселенский Собор, 90-м правилом своим подтверждая отмену коленопреклонений в воскресные дни, провозглашает: **«От богоносных отец наших канонически предано не преклоняти колен во дни воскресные ради чести Воскресения Христова»**. А святой Василий Великий в 91-м правиле говорит: **«Церковные уставы научают нас предпочитать в сии дни прямое положение тела во время молитвы»**.

К сожалению, у нас почти забыты церковные правила о коленопреклонениях и соборные и отеческие постановления по этому поводу. Наши богомольцы в большинстве, как бы совсем забыв о своем сыновстве, о том, что мы уже не рабы, а искупленные кровью Христовою от рабства сыны Божии, вопреки наставлению Василия Великого, предпочитают во время молитвы коленопреклонение, не считаясь ни с торжественностью совершаемых Церковью праздников, ни с содержанием молитвословий. Обычно чаще всего становятся на колени и совершают поклоны во время наиболее знакомых молитвословий, хотя бы то были хвалебные полиелейные псалмы или торжественное Великое славословие. Становятся на колени даже во время пения на литургии молитвы Господней. Но если какую другую, тонаипаче сию, данную самим Господом молитву сыновнего дерзновения, не подобает сопровождать не только коленопреклонениями, но и обычными поясными поклонами, а только в начале ее, поется ли она или читается в храме или дома, подобает оградить себя крестным знамением, как всегда пред началом чтения из Священного Писания, и не полагая поклона, откровенным лицом мысленно взирая ко Отцу Небесному. Лишь по окончании всей молитвы, при заключительном возгласе, должно осенить себя крестным знамением и соотворить поясной поклон.

Характерную иллюстрацию того, как по мере знакомства с обмирщенным христианством Запада православные русские люди стали больше смотреть на землю, чем на небо, как постепенно они стали забывать о своём Богом дарованном сыновстве и проникаться главным образом сознанием своего рабства, — характерную иллюстрацию этого мы

находим в нашей иконографии, в частности в изображениях посещения Богоматерию преподобного Сергия Радонежского.

В XVI веке, когда русские люди ещё твердо помнили о своём сыновстве, на иконах явления Богоматери преподобному, напр., на иконе, написанной в 1588 г. (Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М., 1909, стр. 192) и находящейся в иконостасе Троицкого собора Лавры над южной алтарной дверью, преп. Сергий и его ученик изображены стоящими прямо. Они, как равные с равными, предстоит пред небожителями, откровенным лицом взирают на Богоматерь и внимают Её словесам. Только в знак благоговейного предстояния преподобных Богоматери они изображены со слегка наклоненными главами, в то время как сама Богоматерь, в знак милостивого Её благоволения к преподобному, изображена даже с несколько большим наклоном главы, чем как изображены преподобный и его ученик.

На иконах, писанных в XVIII веке, преподобный Сергий и его ученик изображаются уже стоящими пред Богоматерию на коленях. Потом стали изображать ученика преподобного Сергия не только стоящим на коленях, но и закрывшим лицо своё мантиею. А на написанной в середине прошлого столетия картине, и преподобный Сергий и преподобный Михей изображены повергшимися ниц пред Богоматерию в чувстве рабского трепета.

Правда, в собрании Н.П. Лихачева есть образ «Сергиева видения» начала XV века, на котором преп. Сергий изображен коленопреклоненным. Снимок с сего образа дан в «Истории русского искусства» И. Грабаря, том VI, стр. 99. Но при внимательном рассмотрении этого образа нетрудно установить, что здесь древнерусский иконописец изображает преподобного не во время более или менее длительной беседы его с Богоматерию, а лишь короткий момент первой встречи. Как известно, в древней Руси не только монахи, но и все миряне при встрече их со старшими и уважаемыми людьми, приветствуя их, кланялись им до земли. Естественно, что и преподобный Сергий, узрев Царицу Небесную, с благоговейным восторгом повергся пред Нею

ниц. Но это был только первый приветственный поклон для принятия благословения от Высокой Гостыи, а не стояние на коленях на все время беседы. И преподобный, преклонившийся до земли, изображается начинающим уже вставать. Его глава не склонена вперед книзу, а даже несколько откинута назад, что естественно при вставании. Земли касается лишь одно левое его колено, правая же нога уже приподнята и опирается на землю своею ступней. А ученик, находящийся внутри келии и созерцающий видение из некоторого отдаления чрез отверстую дверь, стоит в совершенно прямом положении, лишь слегка склонив главу».

*Источник: О поминовении усопших по уставу
Православной Церкви*

О поклоне на возгласе: «Оглашении, главы ваша Господеви приклоните»

Духовный рост требует углубления познаний в области литургики, но прежде чем углублять, нужно иметь их хотя бы в зачатке. В наши дни во время службы часто можно заметить, как на возглас: «Оглашении, главы ваша Господеви приклоните» – часть постоянных прихожан склоняет головы, тем самым исповедуя себя людьми некрещеными¹. Однако после следующего возгласа: «Елицы оглашении, изыдите» – никто из них, разумеется, храма не покидает, выказывая тем самым явную непоследовательность. Понимают ли люди, о чём молятся, в чем участвуют? Возможно, это мелкое недоразумение, но оно настораживает, и оно показательное: прихожане годами не удосуживаются поинтересоваться, в чём смысл их действий, их собственной молитвы. А ведь упомянутым возгласам предшествует ектиния «об оглашенных», вполне разъясняющая суть дела: «Вернии, о оглашенных помолимся, – призывают нас, – да Господь... соединит их Святей Своей... Церкви». В духовном же отношении дело ещё серьёзней, здесь нет мелочей. Тем, кто, склоняя главу, сам не знает, верный он или оглашенный, надлежало бы понимать, что это не пустое кивание, что священник в этот момент молится о них, преклонивших главу, дабы сподобиться им

крещения, стать членами Церкви: «Господи... призри на рабы Твоя оглашенные, подклонивши Тебе своя выя... соедини их Святей Твоей... Церкви... сопричти их избранному Твоему стаду»². Если в этот момент со склоненной главой стоит человек крещёный, если при этом он верует в тайносовершительную силу молитвы священника, то он либо невольно кощунствует, уничтожая молитву, либо, невольно же причисляя себя к оглашенным, отрекается от своего крещения³.

Это самый простой пример, но он-то и озадачивает: если прихожанам неведом смысл простейшей ектинии, то какое же значение придается другим, более сложным, моментам службы, какой вкладывается в них смысл, каков вообще уровень понимания церковных священнодействий?

Что уж говорить о безразличии к священным уставным нормам, когда, например, не только несведущие миряне, но и пастыри и иноки пренебрегают каноническим чином временной отмены земных поклонов и коленопреклонений⁴. А ведь такие ограничения не внешняя формальность. «Не преклонять колен» в определенные моменты свт. Василий Великий относит к нормам «сакраментальной и литургической жизни Церкви»⁵. Всё в православном ритуале несёт в себе глубокий богословский и аскетический смысл, здесь затрагивается таинственное внутреннее взаимодействие между душой и телом. Поскольку не только ум, но «всё душевно-телесное существо человека участвует в богослужении», важна адекватность каждого движения. Отсюда особый символический язык жеста, который «Церковь включила в богослужение как органичную часть молитвы», к нему относятся и поклоны, и коленопреклонения – «безгласный язык, где слово заменяется движением»⁶. Поэтому так важно осмысленное исполнение ритуальных действий и строгое следование каноническому чину⁷.

Нарушение чина поклонов далеко не мелочь. Не признак ли это выхолащивания церковной жизни, зарождения культа обрядоверия, когда чинопоследование

превращается в «бессодержательные внешние действия»⁸ или, хуже того, когда им придаётся лжеритуальное суеверное значение. Отцы предупреждают, что, «не углубляя своих познаний в этой области, человек легко может впасть в привычку, мертвящую и опустошающую». Чтобы духовная жизнь не вырождалась в бессмысленную обрядность, «необходимо непрестанно возрастать в познании Божиим и не допускать, чтобы литургия превратилась в деталь нашего благочестивого быта. Именно оттого, что она вместо литургии стала обедней, был пережит всеми нами глубокий кризис»⁹.

Приблизиться к умному деланию позволяет глубокая воцерковленность.

Примечания:

1 Оглашенные – те, кому было оглашено, т.е. преподано, учение Церкви, люди, уверовавшие во Христа и готовые к таинству крещения.

2 Божественная литургия. Молитва о оглашенных.

3 Некоторые современные пастыри высказываются в том роде, что христианину допустимо намеренно склонять голову во время молитвы за оглашенных, тем самым как бы выказывая свое смирение. Один почтенный протоиерей, поступавший именно таким образом, признавался, отвечая на недоумение своей паствы, что склоняет голову во время этой молитвы по смирению, так как считает себя «в вопросах вероучения» едва приступившим «к процессу оглашения», а «в жизни по вере – еще и не начинавшим этого процесса». Но недоумения остаются. Когда делают то, что не положено по чину богослужения, тем самым привлекая к себе общее внимание, то возникает простой вопрос: нужно ли свое смирение демонстрировать окружающим, не противно ли это самому духу смирения, не обращается ли оно при этом в свою противоположность? Другой, не менее почтенный пастырь считает, что «мы хотя и крещены, но недостаточно воцерковлены, и не поступаем по благодати крещения», на этом основании, мол, «можно себя поставить в ряд оглашенных и опустить голову». Тут возникает другой вопрос. Конечно, все мы недостойны звания христианина, осознавать это полезно, но достойно ли христианина воображать себя лишенным неотъемлемой благодати крещения? Не говоря уже о том, что человек недостаточно воцерковленный никак не может уравниваться с некрещеным, для этого надо было бы отказаться от догматического сознания. Кроме того, по этой

логике через минуту на возглас «оглашенные, изыдите» придется, смирения ради, вообразить себя уходящим со службы, а на возглас «елицы вернии... Господу помолимся» уже потребуются не только вспомнить, что мы крещены, но вообразить себя и воцерковленными, и «поступающими по благодати». А то ведь как причащаться, если «поставили себя в ряд оглашенных»?.. Уместна ли такая игра фантазии во время богослужения, вместо осознания истинного значения литургических действий и символов? Символика здесь не декор, но сильное средство духовного воздействия, искажать ее произвольной игрой ума опасно. Православная аскетика запрещает молящемуся уму допускать именно воображение, призывает бороться с ним, а не культивировать. Смирение же, как живое ощущение своей испорченности и ничтожности, как искреннее признание себя наихудшим среди людей, ничего общего не имеет с самовнушением и притворством.

4 Типикон, на основании Канонического Правила VI Вселенского Собора № 90, что подтверждено уставом свт. Василия Великого (прав. № 91) и др. постановлениями, налагает категорический запрет на земные поклоны и коленопреклонения в воскресные и праздничные дни и в определенные моменты богослужения (Херувимская, Шестопсалмие, Честнейшая, Великое славословие). Значительно то, что этот уставной запрет не есть плод человеческого изобретения, но получен свыше. Еще в III в. он был дан Богом в откровении через ангела прп. Пахомию Великому: «С вечера субботнего до вечера воскресного, равно как и во дни Пятидесятницы, не преклоняют колен». Казанский П.С. История православного монашества... Т. 1. С. 238.

5 Лосский В.Н. Боговидение. М., 2003. С. 677.

6 Рафаил (Карелин), архим. Умение умирать, или искусство жить. М., 2003. С. 311, 313.

7 Богословско-аскетическое значение коленопреклонений и смысл запрета на земные поклоны – эти темы рассматриваются в наст. изд., т. 2, 4.

8 Киприан (Керн), архим. Литургика. М., 2002.

9 Софроний (Сахаров), архим. Письма в Россию. Essex; М., 2003. С. 68.

Источник: Новиков Н.М. Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий. В 4 т. Т. 1. Глава «Тайна Таинств». С. 80–83.

Цитаты о поклоне

«Если, стоя в церкви, ты делаешь поклоны тогда, когда велит это церковный устав, стараешься удерживать себя от поклонов тогда, когда этого не положено уставом, чтобы не обратить на себя внимание молящихся, или сдерживаешь воздыхания, готовые исторгнуться из сердца, или слезы, готовые пролиться из очей твоих, — в таком расположении ты и среди многочисленного собрания сокровенно предстоишь Отцу твоему Небесному, иже в тайне, исполняя заповедь Спасителя (Мф.6:6)». *святитель Филарет, митрополит Московский*

«В первый день седмицы совершаем молитвы, стоя прямо (то есть, без земных поклонов и коленопреклонений), но не все знаем тому причину. Ибо не только, как воскресшие со Христом и обязанные искать вышних, в воскресный день прямым положением тела во время молитвы напоминаем себе о дарованной нам благодати, но и потому сие делаем, что этот день, по-видимому, есть как бы образ ожидаемого нами века. Посему, будучи началом дней, у Моисея назван он не первым, а единым. Ибо сказано: «бысть вечер, и бысть утро, день един» (Быт.1:5), потому что один и тот же день возвращается многократно. Посему он же есть и единый и восьмой, изображающий собою действительно единый и воистину восьмой день, о котором псалмопевец упомянул в некоторых надписаниях Псалмов (Пс.6:1, 11:1), то есть, оное состояние, которое последует за теперешним временем, оный непрекращающийся, невечерний, несменяющийся день, оный нескончаемый и нестареющийся век. Посему Церковь по необходимости научает питомцев своих совершать в сей день молитвы стоя, чтобы при частом напоминании о нескончаемой жизни не вознерадели мы снабдить себя напутствиями к представлению в оную. Но и вся Пятидесятница есть напоминание о воскресении, ожидаемом в вечности. Ибо единый и первый оный день, семикратно умноженный на число семь, совершает семь седмиц священной Пятидесятницы, потому что, начинаясь первым днем седмичным, им же и оканчивается, по пятидесятикратном

обращении подобных, средних между ними дней. Почему уподобительно подражает веку, как бы в кругообразном движении с тех же знаков начинаясь, и теми же знаками оканчиваясь. В сию-то Пятидесятницу церковные уставы научили нас предпочитать прямое положение тела в молитве, сим ясным напоминанием как бы преселяя наш ум из настоящего в будущее. Но и каждым коленопреклонением и восклонением от земли на самом деле показываем, что чрез грех пали мы на землю и человеколюбием Сотворшего нас воззваны на небо».

святитель Василий Великий. “О Святом Духе”

«Мне кажется, что отличием, особенностью православного христианства как раз и является тот факт, что оно не ставит людей на колени, а наоборот — поднимает их с колен. Именно в восстании с колен и состоит суть христианства. Когда мы становимся на колени, мы свидетельствуем о том, что мы падаем, что мы грешны. Грех ставит нас на колени. Но когда мы поднимаемся с колен, мы говорим о том, что Господь прощает нам и делает нас своими любимыми детьми, любимыми сынами и друзьями.

В Евангелии Христос говорит ученикам: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Эти слова подтверждаются всем духовным опытом Православной Церкви. Конечно, прежде всего здесь имеется в виду духовная свобода, внутреннее освобождение. Но и во внешних проявлениях — а христианство постоянно подчеркивает связь внутреннего и внешнего — наблюдается то же самое. Если мы посмотрим внимательно все церковные уставы, церковные постановления, то увидим, что стояние на коленях — это, по сути говоря, традиция неправославная».

свят. Андрей Лобашинский

«Много раз я говорил вам о поклонах земных и отвращал вас от еретического обычая стоять на коленях, как сидят кошки. В основе правила стоять перед Богом на молитве или падать ниц в земном поклоне лежит то, что мы призваны ко спасению. Господь сказал Апостолам “друзи Мои”, и потому мы стоим перед Ним. Но мы помним нашу греховность и Божие величие, перед которым мы падаем

ниц, как бы молясь: прости и восстави, и вот мы снова выпрямились и стали. Так молимся мы “восстави” на вечерне Пятидесятницы. Поэтому еще раз: не становитесь на колени, происхождение этого обычая не благодатно, создали его еретики. В православной молитве нет правильного соответствующего ему настроения. Надо различать: покаяние и падение ниц перед величием Божиим – в православном земном поклоне; рабское, теплохладное поклонение – стояние на коленях и, наконец, полное надежды предстояние. Мы осуждаем не жест, а непослушание Церкви, руководимой Святым Духом. И мы даже не осуждаем, но просим понять и напоминать себе, как далек этот обычай от православного духа и церковного понимания предстояния перед Богом, православного покаяния и поклонения Богу».

митрополит Антоний Храповицкий

«Нельзя ставить своё собственное мудрование выше разума Церкви, выше авторитета Святых Отцов.

Первый Вселенский Собор, своим 20-м правилом, и Шестой Вселенский Собор, своим 90-м правилом, ясно и определённо запрещают “преклонять колена” в «день Господень» (воскресенье) и “во дни Пятидесятницы” (от Пасхи до праздника Пятидесятницы в течение всего этого периода времени ежедневно), а такой высокий авторитет для нас, как великий вселенский учитель и святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской, в своём 91-м каноническом правиле ясно и вразумительно объясняет причину этого, относя это к «тайнствам церковным», а принятое всею Церковью каноническое правило священномученика Петра, Архиепископа Александрийского, прямо свидетельствует, что в воскресный день “и колена преклоняти мы не прияхи”.

Какое же мы имеем право поступать вопреки голосу Вселенской Церкви? Или мы хотим быть благочестивее самой Церкви и великих Отцов Её?

О непреклонении колен в дни воскресные и Господских праздников учили основатель нашей Русской Зарубежной Церкви Блаженнейший Митрополит Антоний, который еще в

бытность свою Архиепископом Волынским и Житомирским издал об этом послание к своей пастве, не преклоняет колен в дни воскресные и Господские праздники и наш теперешний Первоиерарх Высокопреосвященнейший Митрополит Анастасий».

архиепископ Аверкий (Таушев)

«Нет ничего маловажного в Церкви Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и ничего в ней не допускается без значения; ибо она есть Церковь Самого Живого Слова; всё здесь имеет глубокий смысл. Как же дерзать, по собственному произволу, совершенно презирать уставы, положенные в основание Богом Словом, и делать самого себя законоположником для уничтожения их?».

святитель Симеон Солунский

«...В древности коленопреклонения перед принятием причастия на самом деле никогда не было, не говоря уже про все традиции. Характерным древним жестом благоговения перед принятием причастия было не коленопреклонение, а поклон и наложение крестного знамения, что до сих пор мы видим в византийских обычаях. Коленопреклонение — знак покаяния. Обычай становиться на колени является средневековой западной практикой, которая постепенно вошла в обиход Латинской церкви между XI и XVI столетиями. И, конечно, постепенно греко-католики, угнетаемые собственным комплексом неполноценности, переняли это у латинян; чтобы показать последним, что, имитируя латинские инновации, они уже не вполне православные, а становятся «более католиками».

архимандрит Роберт Тафт SJ

Зачем человеку старость

Что такое старость? Определения могут быть разными. Возможно, например, такое: старость — это тотально смертельная, совершенно неизбежная, крайне мучительная и никакому лечению не поддающаяся болезнь; единственный шанс её избежать — это умереть раньше, что тоже, как вы понимаете, не подарок судьбы.

Но вот другое определение: старость — это особо важный, ответственный период роста и развития личности; это, по сути, её экзамен перед Творцом. Старость — время осмысления прожитой жизни, время главных выводов, огромных потерь и одновременно — счастливых обретений.

Нет, радужную картинку рисовать не нужно. «Старость в радость» на самом деле не бывает. Старость — это осень жизни; ни одна осень не остается теплой, тихой и золотой до самой зимы. Старость — это вершина жизни; на горных вершинах неуютно, там адский холод, шквальный ветер, голые камни и нехватка кислорода. К тому же, в зеленую долину с этой вершины не вернешься. С нее — или в бездну, или на Небо.

Ничего не происходит с человеком просто так, во всём присутствует Божий Промысл. Если этот нелегкий период жизни — старость — человеку дан, значит, не просто так, а зачем-то. А чтобы понять, зачем, нужно это данное — старость — принять, не отворачиваясь, не делая вид, что её нет, не пытаясь играть с нею в прятки или догонялки.

Мы попытаемся понять, сформулировать для себя смысл старости; а ещё — мы поговорим о тех проблемах, которые встают перед человеком на этом этапе его жизни, о том, насколько эти трудности преодолимы, и должен ли, может ли человек к ним подготовиться.

Подвиг, покой и радость

На наши вопросы о старости отвечает **архимандрит Иов (Гумеров)**, 1942 г.р., автор замечательной книги «Тихие воды последней пристани». В этой книге есть такие слова: «В старости приходит то спокойствие, какое

известно человеку, совершившему нелегкий труд. Жизнь — особый труд, который возлагает на каждого Бог. Желать поменять старость на молодость — значит, уподобиться царю Коринфа Сизифу, который почти уже поднял на вершину горы тяжёлый камень, а он сорвался: надо спуститься вниз и начинать всё заново».

— Должен ли человек готовиться к старости, и если должен, то как?

— К старости человек должен готовиться и идти всю свою сознательную жизнь, исполняя все Божественные заповеди и совершенствуясь в добродетелях. Для христианина преклонные годы — пора созревания духовных плодов. «Это время, когда внутренняя борьба утихает и человек начинает вкушать покой и сладость духовных благ» (святитель Феофан Затворник «Начертание христианского нравоучения»).

— Если в старости возможны радость, мир, покой, доброе расположение духа, то на чем это держится? При каких условиях осень жизни может быть тихой, теплой и золотой?

— Когда жизнь человека строится на истинных духовно-нравственных ценностях, то в старости приходит тот покой и радость, какие известны человеку, которому предстояло совершить нелегкий труд, и он видит, что работа подошла к концу. Жизнь — особый труд, который возлагает на каждого Бог.

Жизнь можно сравнить с нелёгким путешествием. Венец славы — седина, которая находится на пути правды (Прит. 16, 31). Святитель Иоанн Златоуст изъясняет этот стих: «Справедливо, потому что это не дело природы, а хорошо проведенной жизни» («Толкования на Притчи Соломона»).

Марк Туллий Цицерон, написавший в 62 году диалог «О старости», замечает устами Катона Цензора: «Тем людям, у которых у самих нет ничего, что позволяло бы им жить хорошо и счастливо, тяжёлой любой возраст; но тем, кто ищет благ в самом себе, не может показаться злом нечто основанное на неизбежном законе

природы, а в этом отношении на первом месте стоит старость» («О старости», «О дружбе», «Об обязанностях»).

В старости приходит та радость, которая известна мореплавателю после долгого и опасного плавания, когда его корабль вошел в спокойные прибрежные воды последней пристани.

– В чём главная уязвимость пожилого человека, где его «слабое звено», какие проблемы для него самые трудные, каким рискам он подвергается?

– Состояние людей пожилого возраста зависит от меры их духовности. Люди, живущие по плоти, земными интересами, не знают смысла жизни. Ощущение бесцельности существования – главная уязвимость пожилых людей. По мере того как у человека убывают жизненные силы – умственные, душевные и телесные, чувство это усиливается.

У верующих людей есть смысл жизни – спасение. А главная проблема для них заключается в том, что в старости ослаблена способность изменяться. Поэтому человек уже в молодости и зрелости должен беречь драгоценное время, которое дано ему для спасения.

Однако Господь никого не оставляет в безнадежном положении. До последних минут жизни имеется возможность уверовать и обратиться к Богу. Святитель Феофан Затворник пишет: «Одиннадцатый час – последнее время этой жизни. Господь показывает, что и те, которые до этого срока дожили, не работая Ему, могут начать работать и угодить Ему не меньше других. Нечего, следовательно, отговариваться старостью и отчаиваться, полагая, что уже ни к чему начинать. Начинай не робей; милостив Господь; всё тебе даст, что и другим, и по чину благодати здесь, и по закону правды там» («Мысли на каждый день года. Неделя восьмая по Пятидесятнице. Среда»).

– Что бы Вы сказали человеку, который привык много работать, много значить, быть нужным – и вот в связи со старческой немощью оказывается невостребованным, «никому не нужным», и страдает от этого?

– Надо благодарить Бога за то, что Он

дал возможность остаток жизни посвятить не временным земным попечениям, а приготовлению к вечному блаженству в Царстве Небесном. Это великая милость Божия. Поэтому и приходят к человеку в старости немощи, болезни, которые научают важнейшей добродетели – смирению. Преподобный Паисий Святогорец говорит: «Как же смиряется человек в старости! Старик постепенно теряет силы и становится похожим на постаревшего сокола. Когда сокол стареет, у него выпадают перья и крылья становятся похожими на поломанные расчёски» («Слова». Том IV. Глава вторая).

Человек, привыкший к внешней активности, должен внутренне измениться и жить в согласии с законами последнего периода жизни, когда с каждым годом убывают силы. Это человеку во благо: в старости постепенно отмирает интерес ко многому тому, на что в молодости напрасно растрачивались силы.

– Как принять неизбежные в старости болезни, снижение не только физических, но зачастую и интеллектуальных возможностей?

– К старческим болезням и немощам у человека должно быть не бытовое, а духовное отношение. Согласно домостроительству нашего спасения жизнь настоящего христианина – подвиг. Он начинается с переходом ребёнка из детства в отрочество и должен продолжаться до конца жизни. Старость – последнее испытание, последний подвиг. Можно сказать, что болезненная старость в определенном смысле епитимия за всё, что человек не сделал в предшествующие периоды, когда были силы. Как золото при сильном огне в тигле очищается от примесей, так и в огне болезней очищается душа.

– Пожилые люди зачастую не могут принять окружающую их жизнь, чувствуют себя в ней чужими, даже инопланетянами: современность совсем непохожа на эпоху их молодости. «Этот мир уже не наш, – говорят пожилые люди, – он нам враждебен, он выталкивает нас куда-то на обочину». А правильно ли это? Как преодолеть чувство отчуждения?

– Так было не всегда. В течение многих веков у разных народов сохранялся традиционный уклад жизни, который защищал старость и давал возможность пожилым людям чувствовать себя уважаемыми и нужными членами родового или семейного сообщества. Заповедь Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле (Исх. 20, 12) была в библейские времена важнейшим законом, установленным Богом. Святитель Иоанн Златоуст так толкует эту Божественную заповедь: «Воля Божия решительно требует, чтобы родители были почитаемы детьми, и исполняющих это награждает великими благами и дарами, а нарушающих этот закон наказывает великими и тяжкими несчастьями. Что считается величайшим благом, то есть счастливая старость и долгая жизнь, это (Бог) назначил в награду почитающим их; а что кажется крайним несчастьем, то есть ранняя смерть, это он назначил в наказание оскорбляющим их» («Восемь слов на Книгу Бытия»). Слово четвертое).

Не только дети, внуки и другие родственники должны были с особым уважением относиться к пожилым. Это была нравственная норма для всех: Пред лицом седого вставай и почитай лице старца, и бойся Бога твоего (Лев. 19, 32).

Пока сохранялись традиции, старшие члены семьи были не просто почитаемыми людьми: они были нужны молодым. Прожившие долгую жизнь, они хранили и передавали накопленные ими знания. В старости человек имеет полноту жизненного опыта. Никакой разум, даже самый глубокий и сильный, не может восполнить его отсутствие. Священный писатель говорит: В старцах – мудрость, и в долголетних – разум (Иов 12, 12). Однако жизненный опыт лишь тогда является богатством, когда жизнь человека строилась на истинной вере.

В последующие века Божественные заповеди стали частью традиции. И хотя в прошлом веке произошло сильное обмирщение общественной жизни, семейно-родственные отношения сохраняли традиционные черты. Однако современная цивилизация, создавшая гигантскую индустрию потребления и развлечений, все традиции и обычаи превратила в труху. Об этом с болью писал преподобный Паисий Святогорец: «До чего докатился мир! И

в Фарасах и в Эпире ухаживали даже за старыми животными... К примеру, старых быков, на которых раньше пахали, хозяева чтили. Они ухаживали, заботились о них в старости, говоря: “Ведь это наши кормильцы”. То есть рабочие животные, которые трудились в поле, имели добрую старость. И ведь тогда у людей не было технических средств, которые есть сегодня. Надо было в ручной мельнице смолоть кормовую чечевицу, мелко её подробить, чтобы бедный старый бык мог её прожевать. А люди нынешние о подобных вещах забыли: они не заботятся даже о старых людях, что уж там говорить о старых животных!» («Слова». Том IV. Глава вторая).

Одиночество мучает не только тех пожилых членов семьи, которых постигли серьёзные болезни. Даже те старые люди, которые сохранили телесные силы, в наше время чувствуют себя отчужденными. Их дети и внуки не хотят с ними общаться, они предпочитают частые и продолжительные разговоры по телефону, общение в социальных сетях, компьютерные игры.

Не думаю, что в будущем что-то изменится к лучшему. Трудно во всей полноте представить, сколь разрушительным для физического, духовного и социального здоровья людей окажется этот «прогресс».

Что делать старым людям? Жить истинно христианской жизнью. Человек не находится в роковой зависимости от пороков своего общества. Образ Божий в человеке и совесть, как небесный голос в душе, дают каждому человеку достаточно моральной свободы, чтобы в любую эпоху жить по Божественным заповедям, иметь жизненную радость, спастись и спасти.

– К сожалению, у нас нет культуры обращения к человеку вообще и к немолодому человеку в частности. Обращения «бабушка», «бабуля», «дед» нередко травмируют, обижают пожилых людей, хотя обратившиеся, может быть, не хотели вовсе их оскорбить. Стоит ли обижаться, болезненно реагировать на такие обращения? Может быть, их надо принять со смирением, как и саму старость?

– Язык – выразитель духовно-нравственного состояния народа. Происшедшие в двадцатом

столетии в нашей стране социальные потрясения разрушили традиции взаимоотношений между людьми. Опытю убедился, что, не придумывая никаких обращений, можно начать с приветствия: «Здравствуйте!» или «Добрый день!». Главное, чтобы в тоне были доброжелательность, теплота и любовь. Люди это хорошо чувствуют.

«Любовь больше молитвы, потому что молитва есть добродетель частная, а любовь есть добродетель всеобъемлющая» (преподобный Иоанн Лествичник. «Лествица»).

Продолжение счастливой жизни

Фёдор Викторович Кондратьев, 1933 года рождения, отвечает на наши вопросы о старости, опираясь на житейский опыт, на опыт врача и на духовный опыт верующего православного человека. Фёдор Викторович – психиатр, доктор медицинских наук, судебно-психиатрический эксперт высшей квалификационной категории, член Совета по биомедицинской этике при Московской Патриархии, попечитель благотворительного фонда медико-социальной и духовной помощи гражданам старшего поколения России «Геронтологическая защита».

– Должен ли, с Вашей нынешней точки зрения, человек готовиться к старости? Если должен, то как? Можете ли Вы утверждать, что предыдущая жизнь подготовила Вас к старости и инвалидности? Если да, то каким образом?

– Да, конечно, предыдущая жизнь научила меня всему необходимому для того, чтобы достойно встретить старость и инвалидность; чтобы благодарить Бога за прожитые годы и просить не оставить меня и впредь милостью Своей, а также просить, как сказано в просительной ектении, «Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и доброго ответа на Страшнем Судищи Христове...» А каким образом конкретно я подготавливался к старости? Читал Евангелие. Там очень ясно говорится обо всём, что для этого необходимо: о любви к ближнему, о сотворении добрых и предупреждении греховных дел. Я всегда искал свой способ

общения с Господом – общения через молитву, не только через молитвослов или Псалтирь, но и через непосредственное своё обращение к Нему (при этом не всегда через слова, а иногда только через чувствование). С годами ко мне пришло убеждение, что Православие есть Красота Мудрости и Мудрость Красоты, что в нём есть всё, что необходимо для каждого нашего шага по жизненному пути. После этого я всегда и всюду имел чувство постоянного *со-бытия* с Господом и поэтому никогда не переживал какого-либо одиночества и никчемности. И от этого я счастлив. Счастливая старость – это всегда продолжение счастливой жизни.

– Вы считаете, что «последний день» земной жизни человека должен быть ясным и солнечным. На чём основывается Ваше убеждение, что это реально, если сама мысль о старости человека подавляет?

– О том, что наша жизнь конечна, знает и ребёнок, и старик – это не мешает первому развиваться, а второму радоваться, если он живёт в со-бытии с Господом; если же нет такого со-бытия, то и радости нет. Вы утверждаете: «сама мысль о неизбежной старости человека подавляет». Наверное, кого-то подавляет, но надо, чтобы это было не давление, а напоминание и нам, и детям: «Торопись делать добрые дела сегодня; завтра такой возможности у тебя может и не быть». Я, благодаря профессии своей, достаточно много встречал людей, которые не со страхом, а с радостью ожидали ухода из этого мира и повторяли только что приведённое здесь прошение из ектении. Искренне православного человека переход из падшего и суетного мира в непосредственное и вечное блаженство со-бытия с Господом может только радовать. А поэтому и подход к последнему рубежу должен быть светлым, с радостным ожиданием: из света земного к свету небесному.

– Чувство ненужности, особенно остро проявляющееся у людей, которые привыкли много работать, много значить и быть востребованными. Есть ли противоядие против него?

– Конечно, есть. Нужно помнить, что христианин живёт не для того, чтобы брать себе, а для того, чтобы дать ближнему, и надо

искать любую возможность такого делания добрых дел, хотя бы для своих сверстников. К числу таких добрых дел может быть отнесено даже мужественное, без нытья и демонстрации своего страдания, терпение реальных телесных немощей – оно послужит достойным примером, поддержит других страдальцев и уже поэтому будет добрым деланием.

– Человек старшего поколения зачастую чувствует себя крайне неуютно в современной, чуждой, непонятной ему обстановке, среди людей с иными понятиями, среди тех реалий, которых не было в его молодости. Оказаться на другой планете без надежды вернуться на свою – это колоссальный стресс. Чувствуете ли это Вы, считаете ли, что у Вас есть такая проблема?

– Мне чужды такие проблемы: я всю жизнь свою живу на одной и той же планете, созданной Господом, на той же земле, благоустроенной поколениями моих предков, которые делали всё, чтобы украшать её и улучшать на ней жизнь, хотя и не всегда это, конечно, у них получалось. Поэтому я всё время считал и считаю своей заботой участие в этом общем делании – созидании добра для моего Отечества.

Вообще, Ваш вопрос о «принадлежности к другому миру» очень важен и требует специального и глубокого разъяснения; но сначала напомним, что проблема «отцов и детей» была всегда, что её отражение можно найти даже в античной литературе. Это естественно, это показатель движения жизни: проблему отцов и детей надо понять и принять. И, если мы не можем принять что-то новое, вторгшееся вдруг в нашу жизнь, мы должны оставить себе хотя бы чувство любопытства: откуда же такое? Чувства отторжения, ксенофобии возникать не должно никогда, поскольку это новое – не чужое, а трансформация своего же. Господь создал человека по Образу и Подобию Своему, в том числе как создателя и творца. Без созидательной деятельности человека не было бы жизни; а признаком жизни как раз и являются привносимые человеком изменения. Понятно, что эти изменения должны создаваться на непоколебимом духовном фундаменте, быть свободными от сатанинских соблазнов. Если же в структуре нового выявляются сатанинские

признаки противоборства с Господом, то с этим должна быть беспощадная война.

Духовным фундаментом российской жизни на протяжении тысячи лет было Православие. Именно оно формировало внутренний облик русского человека. Православная духовность была той психологической экологией, в которой формировались личности наших предшественников – вне зависимости от степени их воцерковленности и национальной принадлежности. Я убежден, что от Православия идут основные черты русской личности: созидание и справедливость, стремление больше дать, чем взять, правдолюбие, защита слабых. И пока я наблюдаю эти черты у моих сограждан, пока в России действуют православные храмы и в них совершается Божественная литургия, у меня не может возникнуть чувство, что я живу в каком-то «инопланетном мире».

– Старость верующего человека и старость неверующего – в чём разница? Чувствуете ли Вы эту разницу на собственном примере?

– Да, конечно, чувствую. Кто-то может просто сказать: «Я верующий», я же так сказать уже не могу: я чувствующий Бога, Его со-бытие со мной, а потому я не верующий, а знающий, а это совсем другое. Но я не люблю говорить об этом, не мне судить, каков я перед Богом, я узнаю это на Суде Божиим после своей смерти.

– Стоят ли перед пожилым, старым человеком какие-то особые задачи? Может быть, это задачи осознания, осмысления пройденного пути?

– Если человек не видит таких задач, он должен задуматься, найти их и поставить их перед собою, чтобы, решив их, более достойно предстать перед Господом. Для меня первая задача – просить прощения «за вольные и невольные» прегрешения в жизни своей, вторая задача – благодарение Господу за всё, что Он мне дал, что у меня было и есть, помня, что главное наше богатство – вера в Господа нашего, чувство со-бытия с Ним. Надо искренне благодарить Бога за то, что у вас есть, и знать, что Он даст вам то, чего вам не хватает, в том числе и счастливую старость.

Журнал «Православие и современность» № 45 (61)

Жадный монах

Игумен Валериан (Головченко)

Рассказывали, что проживал некогда в одном большом монастыре архимандрит Пахомий. Народ его любил за доброту, а братия недолгоблывала. И за глаза называла любостяжателем. А то и вовсе «жадным монахом».

И вправду – рясы у него непростые, машина крутая. Да и в келье «полный фарш»: обилие книг, икон, всяких сувениров и прочих даров от небедных прихожан. Братия монастыря, особенно новоначальные, подобной роскошью нередко соблазнялись.

Как-то не укладывались на подобное имущество поучения древних пустынножителей-аскетов.

Особенно сокрушался о «заблудшем брате» отец Герасим:

– Ну куда такое годится? Не по-монашески это!

Сам Герасим был в быту строг. Келья его поражала своей простотой и бедностью. И от духовных чад своих требовал подобного, частенько намекая на близость последних времён. Как-то раз даже возглавил делегацию к настоятелю обители. Мол, не хотим жить рядом с Пахომием.

Настоятель лишь руками развёл: «А что я с ним поделывать могу? Да и паломники в нём души не чают».

И, напомнив братии обрательности и терпении, посоветовал усерднее молиться о Пахомии. Впрочем, на самом деле отец Пахомий жадным не был. Охотно, хотя и с рассуждением, делился своим имуществом.

«Да он так всех подобными себе сделает!» – не унимался отец Герасим. И молился об избавлении от напасти. Но боль сердечная не утихала. Он даже в отпуск съездил на две недели, «чтоб глаза этого не видели»...

Бог внял его молитвам: пришло монастырю избавление от Пахомия! Получил он назначение

настоятелем небольшой обители. Вызвал отца Пахомия настоятель и говорит:

– Вот, батюшка, указ из Епархии пришёл. Владыка благословил тебе возглавить возрождаемый Свято-Никольский монастырь. Ты собирайся потихоньку, хотя особо не затягивай. Начальство, сам знаешь, сердить не стоит. Так что – с повышением тебя. Возьми двух послушников, пусть помогут тебе имущество твоё упаковать, погрузить. Путь неблизкий, но грузовик тебе выделим. В твою-то машину всё не влезет? И, это... ты прости меня, грешного, если что не так. И за братию всю прошу – прости! Осуждали ведь тебя порой...

Только вышел от настоятеля отец Пахомий, а следом уж Герасим стучится.

– Что, уезжает Пахомий? Я, отец, тебе честно скажу – и слава Богу!

– Ты за этим, что ли, притопаешь? Может, помочь собраться хочешь?

– Да мне к этому бараклу даже прикасаться противно... Нет, конечно, не за этим. Я вот по вопросу. Отче, благослови меня уехать деньков на пять?

– Вот те на! Это с какой такой радости? Ты ж только из отпуска.

– Так в том-то и дело. Гостил у своего семинарского друга, отца Василия. И чётки свои у него в храме забыл. Жаль будет, если пропадут.

– Ты что, головой в дороге повредился? На вот тебе мои чётки, и молись себе на здоровье.

– Те чётки особенные. Мне их когда-то приснопамятный схиархимандрит Иоиль благословил! Вот уж был старец подвижник! Эти чёточки, знаешь ли...

– Я заслуг старца Иоиля не умаляю, сам знаешь, – перебил его настоятель. – Ну как я тебя отпущу? Тебя ж и в богослужебный график, и на послушания кругом после отпуска поставили! Ладно, придумаем что-нибудь

с благочинным. Вот уж головная мне боль от вас – не один, так другой чудотворит...

Позвал благочинного. Целых два часа с ним мудрили, как отца Герасима везде подменить. Только отдохнуть настоятель надумал, тут опять отец Пахомий пожаловал. Стоит на пороге, за спиной рюкзак, у ног дорожная сумка:

– Вот, отче, с тобой попрощаться зашёл. С братией уже попрощался, вечером на поезд до Красноугольска.

– А вещи твои???

– Всё своё ношу с собой, – улыбнулся Пахомий, – а остальное я уж и раздал. Книги в монастырскую библиотеку определил. Рясы – братии, а остальное – в рухлядную. Иконы – что братии, что чадам духовным. В общем, разберутся...

– Машину-то как?

– Да вот... Проблема... Ну зачем она мне там нужна, такая красивая? А надо будет, Бог пошлёт, как и эту послал. Как, впрочем, и всё остальное. Переоформить её, конечно, прямо сейчас не получится. Да вон у отца Никифора на неё доверенность есть, пусть и ездит. Ты это, благословишь ему меня на вокзал отвезти? А то у меня и рюкзак, и сумка. А автобусы плохо ходят, как бы на поезд не опоздать...

– Благословляю.

– А машину – ты не переживай, не заржавеет! – продолжил Пахомий, – приеду вот к вам погостить и переоформлю. Хочешь на тебя, хочешь, на монастырь...

– На отца Герасима, – попытался пошутить настоятель, – ему в последнее время вечно куда-то ехать надо...

– Да хоть на Герасима! Отчего нет? Водит он вроде неплохо... А! Вот ещё что! Просьба у меня к тебе, если возможно... Келью-то я освобождаю. Она тёплая, без сквозняков. А отец Варсонофий хворый совсем, простужается часто. Подумай, может переселишь его в мою?

– Подумаю...

Почему-то отцу настоятелю захотелось плакать. Но он сдержался, чтобы не смутить Пахомия. Только поклонились они друг другу в ноги, обнялись, как родные братья. И простились. По дороге на вокзал сидевший за рулем отец Никифор всё же спросил отца Пахомия:

– Батюшка, но ведь все вещи, что вы раздали, вам духовные чада от чистого сердца дарили. Любят они вас – вот и дарят на молитвенную память. Не жаль с памятью этой расставаться?

– А я ничего хорошего не забыл! Ведь каждый их дар – как жертва Богу. Именно потому, что от сердца. Вот и моё сердце благодетелей моих не забудет. Никогда. Никого.

Помнишь, когда меня в иеромонахи рукоположили, мне Анютка, младшая дочка Степана Ильича, пупса подарила? А я взял, – она ведь свою самую любимую игрушку пожертвовала! И не поверишь, я его сохранил. Вот только неделю назад с ним расстался.

– И куда же дели? Ведь «подарок не отдарок»! – рассмеялся Никифор.

– Анюткиной дочке отдарил, – улыбнулся отец Пахомий, – Анютка даже прослезилась в умилении, когда своего пупса увидела...

Отец Никифор почему-то долго не мог уехать с вокзала. Стоял и смотрел вслед увозящему Пахомия поезду, пока огоньки не растворились в темноте.

P.S. А за четками отец Герасим так и не поехал. Передумал.

Журнал «Отрок»

Сон, который должен опять вернуться

Эта история началась давно... Конечно, не в те допотопные сказочные времена, когда на Украину и обратно можно было всем без исключения смотреть на поезде — без приглашений, разрешений, доказательств родства от наших дней до седьмого колена и вагона справок. Нет, конечно. Это уже кануло в лету. Все началось после 2014 года.

Напряжение ещё было, но начало спадать. И люди, оправившись от шока, продолжили курсировать между двумя странами. В гости к родным и близким, на работу, а кто-то и на учебу. Не все, конечно, но существенная часть.

Так и оказался у нас в России чудесный украинский парень по имени Тарас.

Родители его, тоже, естественно, украинцы, к России тем не менее относились неплохо. Родились они в ветхозаветную эпоху, в которой и Россия, и Украина, и много-много других самостоятельных сейчас государств были одной страной. И их, в свою очередь, родители (а Тарасу — бабушки и дедушки), как люди старой закалки, тот постсоветский распад и разлад не поняли и восприняли болезненно. И решили для себя, что все равно все хорошие люди. А «паны» пусть сами разбираются. И молодые поколения так воспитывали.

2014-й год тоже не до конца поняли. Тогда таких немало было, если честно. Хотя и других немало. Перепуталось все, как и в любой стране. Жалели о том, что Россия резко стала недружественной и далёкой, но и Украину свою родную любили. И ждали, когда все, авось, как-нибудь рассосётся. Такая вот украинская семья... Но таких простых семей везде много. Которым жить бы, и все. Далёких от всяких таких политических разборок.

Тут стоит, наверное, сказать, что были они верующими и ходили на службы в храм канонической Украинской Православной Церкви. Где поминался, естественно, наш Патриарх Кирилл. И где служит мой большой друг отец Н. Даже не знаю, стоит ли в свете всех событий это так вот, не таясь, объявлять. Время-то какое...

В общем, все было тогда относительно спокойно. Шок 2014 года, как я уже сказала, немного отпустил. Жили, молились, работали, в храме помогали, чем могли, на даче что-то сеяли, сажали, урожай собирали, консервировали. Просто все было у людей, как белый день.

Грохотало, конечно, где-то на Донбассе, новости, опять же. Но все это вроде не так и близко. И поэтому как бы и не с ними... Ну, человек в принципе так устроен. Думает, что да, где-то все это есть, но с нами такого точно не случится. Просто не может такого никогда быть, и все тут...

А Тарас поехал учиться в институт в один российский город. Там как раз хорошо готовили студентов по выбранной им специальности. Да и родня там какая-то жила, давно ещё обосновались.

Учился с прицелом — дальше на работу здесь у нас устроиться, вид на жительство получить. Не в курсе всех этих бюрократических тонкостей, но вроде так можно было. Родителей, конечно же, навещать думал, друзей. И они его.

Кто ж мог знать, что будущее нам уготовило...

В том институте и познакомился он с Ириной, тоже студенткой. Только местной, русской.

Сначала просто общались, на вечеринках пересекались, потом дружить стали. А дальше случилась между ними любовь. Обычная, в общем, история, молодо-зелено. Чувства же национальностей, гражданств и границ не признают.

Встречались, крепла любовь. Стало понятно, что всё серьезно и навсегда.

Через какое-то время Тарас с родителями Иры познакомился. Официальное предложение руки и сердца сделал.

Нельзя сказать, что поначалу восприняли они такого жениха с большим восторгом. Интурист, как-никак. И ладно бы англичанин, немец или француз. В крайнем случае — какой-нибудь «захудалый» поляк. Тут сразу для дочери вырисовывалось бы светлое европейское будущее.

А этот уже и не наш, но ещё и не их.

«Недоиностранец», в общем. И не из самой богатой страны. Да ещё и из какого-то «затрапезного» городка. И «шокает»... Недоразумение, а не иностранец. Ну, так они думали. Обычные же люди, стереотипам подверженные.

Но то поначалу. Быстро Тарас их обаял. Был он умным, перспективным, симпатичным, галантным и, что важно, — «заточенным» на семью. Это, кстати, как мне кажется, отличительная черта украинских хлопцев — стремление к браку.

Ирина с родителями Тараса общалась сначала по телефону. Потом и они приехали. Очень скоро старшие поколения нашли общий язык, и всё складывалось как нельзя лучше. И скоро появилась на этой земле новая русско-украинская ячейка общества. А разве мало таких?

Загвоздка была только в венчании. У Иры семья была совсем не церковной, а сторона Тараса настаивала. Но и с этим справились. Повенчались. Чего не сделаешь ради любви.

До этого момента и чуть дальше все банально. Институт закончили, на работу устроились, квартиру в ипотеку взяли, кота завели. С детьми пока ждали.

Вид на жительство Тарас получил. И гражданство. И обосновался парень в России крепко и навсегда. И никого это не удивляло. Опять же — сколько таких. И даже «шокать» перестал. Ассимилировался.

Своих дома навещал вместе с молодой женой. И все были им рады. И родные, и друзья, и приход.

Целыми днями по гостям только и ходили. Там — шашлычок, там — уха, там — самогончик и настойка домашняя вишнёвая. Бомба, а не настойка. Там — сальцо, «синенькие» с чесночком, карасики в сметане и тазик салата. Украинские хозяйки вообще всё готовят тазиками. И вкусно — не передать. Уж я-то знаю. Смерть фигуре, а не местная кулинария.

Банька, посиделки дотемна во дворе чьего-нибудь сельского дома. Разговоры, светлые воспоминания, мечты о не менее светлом будущем. Ира даже умудрилась там, в храме у отца Н, крестной какого-то ребёнка стать.

Друзья мужа позвали. Захотели себе русскую куму.

Правда, родители Тараса обижались немного. Вроде как молодые к ним приехали, а дома их не видать. Только ночевать приходят. Но что поделать... И когда уезжали, гостинчиков с собой заворачивала.

— Мама, только немного, — просил Тарас.

— Та да... Конечно, немного. Шо там много...

Пару помидорок с огорода...

И думали потом молодые, куда им паковать десятки банок с консервацией, коробки с дарами природы с матушкиного огорода и килограммы сала. И чтобы последнее не растаяло и пахнуть на таможне не начало. Нельзя же... Но отец Н благословлял, молебен в дорогу служил, и таможенники как будто слепли, и нюх им отшибало.

Мама Тараса и в Россию к ним навещалась. Это вообще анекдоты были, а не приезды. Тормозил поезд у перрона, и из плацкартного вагона сначала важно выходила эта солидная дама. А следом волокли ее кули, коробки и неподъёмные челночные сумки какие-то радостные подвыпившие мужички и даже проводники. Но последние — не подвыпившие, естественно. Работа как-никак. Но тоже довольные.

Потом выяснялось, что половину вагона и работников мама Тараса угощала своими припасами и настойками. И они как-то помогали ей все это припрятать от бдительной таможни. И всем было хорошо.

Ну, а дома начинался пир на весь мир и генеральная уборка, которую женщина всегда делала по приезду:

— Та шо там могут сами эти молодые...

И внуков всё требовала. Но пока обходились котом. Который уже понял, что мама Тараса, повинувшись бабушкиным инстинктам, за неимением внуков будет кормить на убой его, Тишку. И не кормом этим опостылевшим, а чем-то поинтересней. И терся у ее ног, мурлыкал заискивающе. И глазами смотрел — такими, как будто его, восьмикилограммового наглого детину, изверги-хозяева голодом заморили.

А потом и внук родился, Сережка. Но позже.

В общем, жили дружно и относительно

припеваючи. И все мечтали родители Тараса, что вот-вот приедут молодые (или наоборот – они к ним) и увидят долгожданного внука. Ведь не видели ещё. Месяца три всего лишь подождать... И так сколько ждали.

Будет лето, солнце, речка, дача... Накормит наконец его украинская бабушка. А то худесенький, наверное. Само собой, худесенький... Разве невестка сготовит, как надо.

И в храм поведёт к отцу N. Гордо поведёт: вот, смотрите, а мой-то лучше всех... Самый умный, самый красивый и самый накормленный. И благочестивый!.. А то уже бабки местные, прихожанки, посмеиваются: «У всех внуки, а ты, Петровна, как незнамо шо...». Испортила все пандемия...

Сначала границы были закрыты, народ заперт по домам, а когда начался спад, люди не понимали, можно ли ездить друг к другу или нет. Вроде можно, но не всем, или по частям – сыну можно, внуку нет, или вообще никому нельзя... И сидели так, не видя друг друга, два года. И внуков с детьми не видя.

Потом родители Тараса переболели. Тяжело, пожилые же. И даже если бы и было можно, уже не смогли бы приехать...

А как хотели они внука увидеть! Мечтали, просили. Да Тарас и рад бы привезти его. Ему же самому можно уже – первая линия родства. Но маленький пацан же совсем, без матери никак. Да и непонятно опять ничего. Только на машине, а кого-то и разворачивали.

Поехал сам... Недавно совсем, осенью. Фотографии родителям привёз, видео. Поскайпу с Ирой и Сережкой вместе созванивались. Но разве этим скайпом бабушкину-дедушкину любовь удовлетворишь... Но вот и пандемия вроде на спад скоро. Даст Бог, через год и Ира с сынишкой наконец к его старикам приедут. Этой надеждой они, пожилые очень и больные, только и жили.

Со старыми друзьями, опять же, встречался. Пили-ели, мечтали. Те же угощения, те же разговоры. Ириному крестнику и родителям его подарки привёз. Родовались...

В храм к отцу N на службы ходил. Ему и там были рады. Давно же знали, с детства. Про жизнь в России расспрашивали. Кто-то по-доброму, а кто-то – с косыми взглядами. Везде

же разные люди...

Погостил Тарас и поехал домой. Поцеловал родителей на прощание и обещал, что скоро опять встретятся...

Прошло два-три месяца... Каких-то несчастных два-три месяца... Ещё мамини гостинцы не доели, а всё, что вот только же было вроде вчера, стало недостижимым и нереальным. Или это настоящее нереально?..

Застонала земля... Онемели, оцепенели люди. Вдохнули, а выдохнуть не могли. А потом покатило страшную волной то, что казалось невозможным, чем-то «где-то там» и «не с нами».

«Будь ты проклята, тварь, – читала Ирка сообщение от кума своего, того самого. – И сын твой пусть будет проклят!»

Это тот, кто лишь несколько лет назад просил её стать крестным своего ребёнка, и недавно ещё радовался подаркам, которые она передала. «Спасибо, кумуся», – писал он, добавляя сердечки... С кем сидели за одним столом, пили и ели. И песни пели. Русские и украинские...

– Пристрелим тебя как собаку, – писал Тарасу троюродный брат с Украины. – Только сунься.

Пили, ели... А сейчас того мобилизовали... Мишку мобилизовали, родню. И ненавидит он Тараса, который сейчас в России. И Россию ненавидит, до скрежета зубов.

Мать Мишкина звонит там матери Тараса и проклинает. Ее-то за что? А ни за что, просто сын у нее на русской женился и в России остался. Значит – враг. А тоже пили и ели... Родня...

А двоюродный брат Тараса, Виктор, – на Донбассе. И с Мишкой они какие-то братья. И тоже сейчас с оружием в руках... Брат на брата... Сон, реальность, с ними ли, с нами? Проснемся ли?

А здесь, в России, сосед Тараса, Вова, – военный. Взрослый мужик. Помогал им всегда, если починить что надо. Сейчас ему нужно туда... Попросился вместе с Тарасом вечером накануне отъезда в храм сходить. Впервые в жизни. Стоял у икон, и слёзы на глазах. Военные тоже плачут.

– Закрываемся уже, – сказали ему тётушки, – вы завтра приходите, на службу.

– Завтра я не приду. Завтра... Завтра меня здесь не будет...

И молится Тарас и тётушки за воина Владимира. Который ещё недавно ни сном, ни духом о том, что его ждёт. Что всех ждёт.

А там друг детства, Ванька. В одном классе учились, в одном дворе жили, в храм к отцу N вместе ходили. После переезда Тараса Ванька к нему в Россию приезжал. А сейчас мобилизуют там Ивана.

Родители украинского парня после того, как все началось, к отцу N ходить перестали. Патриарха поминает, врага. А Ваньке батюшка как папка родной. Пришёл тайком: «Помолитесь, скажите что-нибудь...».

А что мог сказать ему отец N, когда его самого разрывает от страха и боли? Когда в один день и приход, такой дружный ещё недавно, разорвало на две части. Сказал батюшка на проповеди как-то, что молиться и каяться надо. Так люди слова о покаянии как предательство восприняли: «Нам? За что?» Обозлились и ушли с проклятиями...

– Пусть Господь тебя хранит! – Только и сказал он Ивану. – Молись. Сам старайся не погибнуть и других не убить...

Вот и все...

И Тарас тоже молится. Чтобы где-нибудь на линии фронта, по разные его стороны, не встретились братья его – Мишка и Виктор, друзья его – Вовка и Ванька, и не пришлось им стрелять друг в друга...

Да... Жизнь... Жизнь, о которой ещё недавно читали мы в каком-нибудь «Тихом Доне» Шолохова. Удивлялись, ужасались и не верили...

Родители Тараса там на улицу боялись выйти...

Сначала боялись, потому что те, кто недавно приятелем был, предъявлять вдруг стали за невестку-россиянку. И сына, что гражданство сменил. Не все, конечно, меньшинство. Другие, быть может, что-то такое думали, но молчали. А третьи, наоборот, ободряли. Люди же везде разные. И в этой своей «разности» удивительно одинаковые...

А потом боялись, потому что грохотать стало... И сел народ по подвалам без света, воды и еды. С детьми малыми, которые заикаться

начали и писаться от страха. И поверить не могли, как такое вообще возможно. Сегодня, сейчас, с ними... Как так?!

И связь пропала... Для Тараса это был самый большой кошмар тогда. Как? Что? Живы ли? По новостям – там как раз линия разграничения. И выйти нельзя, и уехать невозможно. И тишина... Молчит телефон... Набирает, набирает, тычет кнопки, знает, что будет этот телефон проклятый молчать, и все равно...

Разговоры здесь слушает. Есть те, кому все ясно и просто. И Тарасу ясно. Но у тех, кому просто, там никого нет. А у него – мать, отец... Для него люди сейчас разделились на тех, кому просто, и на тех, у кого там родные. У последних все сложнее...

– Дозвонился?

– Нет!

– И мы не можем... А у нас бабка старая там, лежащая...

– Наши выехали! Выехали!!!!

– Наши сидят...

– Мои в телефон плачут, кричат: «Молитесь!...»

– Тарас, сыночек... Папа умер...

Ответил телефон, но лучше бы молчал... Умер старый отец. Нет, не от пуль и взрывов. Там спокойно уже, и никто вроде не погиб. Митингует только кто-то против, но их не трогают, слава Богу... Да, в магазинах пусто. Но у кого дачи – легче. Закрутки же. И делятся люди... Лекарств только нет совсем.

Болел давно отец. И не выдержало сердце.

– Хоронить будем... Батюшка поможет, сынок. Только ты не приезжай. Пожалуйста, не приезжай...

А как тут приедешь?.. И хоронят отца без сына... Не проводил... Как так?.. И не увидел дед внука, которого так долго ждал... Увидит ли бабка? Доживет ли?.. Господи...

Плачет Тарас в подушку. Здоровый, сильный молодой мужик плачет как ребёнок... Верит и не верит... Забыться бы, напиться или проснуться... Но это не сон.

Далёким сном стал тот стол, за которым сидели они с женой со своими украинскими друзьями, настойку вишнёвую пили и песни пели. Шашлыки, вареники, баня... Абрикосы

выше крыши и шелковица... И просили там Ирку его стать крестной... Дотемна сидели, расходиться не хотели, любили, рады друг другу были...

Сном стал троюродный брат Мишка, к которому ездил он в село на запад Украины. И купались они там в речке, дрались, мирились... Мечтали, как вырастут и будут так же в гости друг к другу ездить...

Витька двоюродный – сон... Жив ли?

Ванька-друг стал сном... Друг детства, который и драться-то толком не умел...

Вовка, который раковину чинить помогал. И ни сном, ни духом...

Отец Н... Любимый батюшка... И приход – такой дружный, тёплый... Где все любили друг друга. И над мамкой его шутили: «Внуки-то когда уже, Петровна?» Сон...

Сном остался отец. Большой, сильный...

Который нёс его мальчишкой на плечах, чтобы увидел пацан местный парад Победы. Маленький парад, провинциальный, но такой всем тогда важный... А вот он – улыбающийся старик... Внук же родился... Наконец-то... Скоро, скоро увидимся... И обнимет дед... И долго ещё будет жить...

Мама с тюками еды, выходящая из вагона:

– Та шо там эта невестка может приготовить?

Говори, мамочка, что хочешь, только не молчи... Сон...

Спит Тарас, и снится ему все это... Не кончайся, сон, вернись... Только не исчезай...

...Но стонет земля... Вдохнули люди, а выдохнуть не могут... И покатила волна... Когда остановится? Остановится ли?.. Вернётся ли все?.. Бог весть...

Елена Кучеренко

ОБОПРИСЬ НА БОГА! ОН НЕ ОСТАВИТ

Мы все сейчас говорим об одном. Нам страшно, больно, многое не понятно. Оказалось вдруг, что человек слаб, беспомощен и ни на что не может повлиять. Он лишь песчинка.

И несёт ее куда-то ветер в вихре таких же маленьких песчинок, а куда – не ясно. И сделать ничего нельзя. Только лететь. И даже не знаем, шмякнемся мы или поднимемся ввысь. Или так и будем болтаться между небом и землей. Странное время...

– Что будет? Что будет? – спрашиваем мы друг друга.

И смотрим в глаза, и ждём какого-то ответа, который укажет путь.

А нам отвечают:

– Будет голод / не будет голод...

– Будет третья мировая / не будет...

– Мы правы / мы не правы...

– Дураки те, кто купил гречку. А помните – в пандемию?.. Или, наоборот, умные...

– Купи прокладки! Много! И туалетной бумаги!

– Купи тушенку и хозяйственное мыло...

И я покупаю это мыло, которое мне никогда не было нужно. Четыре куска. Зачем? Что с ним делать? Не знаю. Но сказали... И прокладки! Сейчас прокладки всех нас спасут!

Всё это мусолится, в сотый раз обсуждается по кругу. Все всё знают – и никто ничего не знает...

Очень странное время... Я смотрю его как кино, и это спасает от отчаяния.

И всем нам хочется, чтобы это побыстрее закончилось и стало, как раньше. Но «как раньше» уже не будет.

Ну пусть станет хоть как-нибудь. Только – уверенно. Чтобы не болтаться как песчинка, а на что-то опереться. И понимать, что что-то ты можешь сделать, что-то можешь контролировать. Будет ли так когда-нибудь? Не знаю...

Недавно, в потоке этих бессмысленных

разговоров, я вдруг услышала слова одного батюшки:

– Обопрись на Бога! Он не оставит!

На Бога?.. А как же гречка и хозяйственное мыло? Как же новости?.. Третий раунд переговоров, четвёртый раунд...

А как же психологи и психологические тренинги?.. Все эти «Как перестать читать интернет»; «Как дышать животом, когда тревожно»; «Как рассеять страх и ужас»; «Что сказать человеку, который боится войны».

– Все это нужно, все разные, но опереться сейчас можно только на Бога. Не ищи человеческой правды! Ищи правды Божией! И помни, что Ему возможно все! Он может зло обратить в добро. Он может всё остановить или ускорить. Утешить, обогреть и сотворить чудо! Только Он всё может! Верь Ему!

Эти слова сказал мне один священник, отец Антоний, который родом с Украины. Но учился он когда-то в Курской семинарии. Женился на москвичке, с которой познакомился, когда она паломницей приехала в Курско-Коренную пустынь, и остался служить в России. У него и старший брат – священник. Отец Алексей. Тоже учился у нас, но служить поехал домой.

И молятся сейчас они... Один – здесь, другой – там. Два родных брата, которых вот так в секунду раскидала, разорвала жизнь. И как никогда понимают: собрать их опять вместе может только Господь. А на кого им сейчас ещё надеяться? На кого опереться?

– Я – простой человек, – говорил мне отец Антоний. – Мне тоже страшно! Но, знаешь, самую большую духовную поддержку оказывает мне сейчас брат! Мой отец Алексей, который там. Не я – ему, а он – мне!

Отцу Алексею тоже страшно! У него четверо детей и беременная матушка. И неизвестно, что будет завтра.

– Но сказал же Господь: «Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы», – делится с братом отец Алексей.

И сегодня они с прихожанами пекут там хлеб. У них пока есть мука. Скупились давно еще по дешевке для просфор. И раздают хлеб

тем, у кого нет ни муки, ни хлеба, ни денег. И когда всё это будет – не ясно.

– Кому война, а кому мать родна, – говорит отец Алексей брату. – Видит торговец, что кроме него муки взять негде, и ломит цены. И даже те, у кого хоть какие-то сбережения есть, купить уже не могут... Печём, кормим... А завтра Господь управит...

Грохочет где-то рядом... Кто? Что? Откуда? Никто не знает. Выходит утром в селе человек из дома по нужде, а в небе что-то летит. Куда летит? Где упадёт? Бог весть... И на Него одна надежда...

Конечно, отцу Алексею страшно за жизнь – свою, матушки, детей, прихожан. Обычный же человек. Но больше сейчас боится батюшка, как бы выдержать, как бы не предать Христа!

– Как никогда понимаю я сейчас, что важнее жизни человеческой – спасение! Быть со Христом! Не дрогнуть!

А там сейчас можно дрогнуть. Многим людям кажется неважным: помянуть патриарха – не помянуть патриарха, автокефалия – не автокефалия... Какая разница... А там сейчас просто поминание патриарха – уже исповедничество. И нужно ли? Ведь столько

епископов отказалось. Что делать? Как жить?

И ищут люди ответы, ищут правды. Правды Христовой! Где она? Кто бы подсказал. И главное – не разувериться в Боге.

Отсюда многое кажется проще. А там? А там закончилось духовное детство. И началась настоящая духовная жизнь. Когда я – и Бог! Сегодня, сейчас, в эту секунду! Держи нас, Господи, не отпускай!

У отца Алексея даже остались силы шутить. И рассказывает он отцу Антонию историю своей прихожанки. Не буду называть имени. Скоро поймёте, почему. Которая в эти страшные дни сподобилась чуда. Но она всегда верила в чудеса. Что ни день – то чудо.

И на этот раз случилось... Чудо... Даже не знаю, как и сказать помягче. Но расскажу, как есть. Из песни слов не выкинешь. Какое время, такие и чудеса.

В общем, давно уже у этой пожилой прихожанки проблемы с пищеварением. Попросту говоря – запоры. Это конечно, для кого-то звучит забавно, для кого-то – не гламурно. Но у человека беда. Много лет человек страдает.

Набралась однажды смелости, поборолась стыд и подошла к отцу Алексию с вопросом:

– А можно ли, батюшка, Богу молиться, чтобы Он это как-то решил? Беспокоить Его этим? Ведь у Него и без моего, так сказать, «стула» забот достаточно.

Спрятал отец Алексей в усах улыбку, посочувствовал женщине и ответил:

– Отчего нельзя же? Господь во всем – первый помощник! А это же здоровье, как-никак...

Ну и молилась прихожанка. Записки подавала. И верила, что настанет день, и все у неё получится.

И день настал... Проснулась женщина ночью от грохота и разрыва снарядов. Не близко, но страшно. Испугалась как никогда. Вскочила с кровати и чувствует... Прошли запоры. Да так прошли, что лишь бы до туалета успеть добежать... И с того дня всё как по маслу.

Примчалась она через какое-то время в храм: – Батюшка, чудо! Чудо! Господь пищеварение наладил! Я, конечно, когда молилась, не так всё хотела. Но – наладил! Слава Богу за все!

Отец Алексей смотрел на неё и не знал, плакать ему или смеяться. У человека от страха пищеварение нормализовалось, а туда же – чудо! Радуетесь и Господа благодарит.

– А потом подумал я, – делился он с братом, отцом Антонием. – Ведь это настоящая, живая вера. Во всем человек Бога ищет. Даже в такие страшные моменты. И в таком вот, так сказать, деле... Молитвами таких вот бабушек и спасёмся...

Да... Какая современная жизнь, такие и современные чудеса...

А вот история посерьёзней. Тоже отец Алексей рассказал.

Есть у него прихожанин один, мужчина молодой. Алтарничает, по храму разную работу делает. Сейчас сам на себя послушание взял: тот самый хлеб, который они пекут, в отдаленные места района отвозит на своей машине. А это волнительно. Блокпосты, какие-то люди с оружием, мародеры, опять же... Что-то рвётся вдаль... Или близко уже?.. Но считает это своим служением. Помолился, благословение взял – и в путь.

Хороший, в общем, парень. С тёмным, правда, прошлым. К вере пришёл в тюрьме. Но это уже другая история. Да и давно было, по юности-глупости. Тюрьма, в смысле. Но уверовал, так уверовал. Каждой клеточкой.

А вот мать его – нет. И для него это целая трагедия. И ладно бы, просто неверующим человеком была. Так нет же. Настоящим богоборцем. Хотя и крещеная.

Всей душой своей ненавидела она и Церковь, и Бога, и «попов этих». А за что – непонятно.

Сначала сын что-то пытался объяснять матери о Христе, о Евангелии, в храм звал. Но каждый такой разговор заканчивался не просто скандалом, но откровенным кощунством с ее стороны. А когда он после Литургии и Причастия домой возвращался, начиналось настоящее беснование...

Со временем старался все эти вопросы стороной обходить. Чтобы хоть какой-то мир в душе и семье сохранить. Хотел, конечно, чтобы мать к Богу пришла, но и не верил в такое чудо. А отец Алексей всё повторял:

– Молись! Для Господа нет ничего невозможного!

И сын молился...

Потом она заболела, слегла. Стало ясно, что немного ей осталось.

– Мама, может, батюшку позовём? – спрашивал сын.

В ответ – ругань и проклятья. За болезнь свою, за слабость...

– Молись, – повторял батюшка.

А потом началось то, что началось...

И замолчала старая мать.

Лежала и думала о чём-то.

– Сынок, позови священника! – сказала она недавно.

Соборовал её батюшка, долго исповедовал, причастил. С сыном она помирилась, прощения попросила. И той же ночью умерла.

– А я видел настоящее покаяние, – говорил отец Алексей. – Вымолил сын старую мать. Чудо случилось – в последний миг. Но и то, что происходит, подтолкнуло её. Поняла она, что сейчас, в это страшное время, либо ты веришь Богу и молишься, либо просто сойдёшь с ума. Ничего не может сейчас человек – только молиться и верить. И тогда Господь управит. Обязательно управит. Молитва, вера и покаяние... Вот, что сейчас от нас нужно... Это наш единственный шанс на жизнь – и эту, и вечную... Единственное, на что можно сейчас опереться. Всею душой почувствовала это старая женщина. И принял её Господь, не отвернулся. Это самое важное сейчас...

И эти слова повторял мне отец Антоний...

Елена Кучеренко

Нравственный человек

Н.А. Некрасов (1821-1878)

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью,
Под вечерок к любовнику пошла;
Я в дом к нему с полицией прокрался
И уличил... Он вызвал: я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

Имел я дочь; в учителя влюбилась
И с ним бежать хотела сгоряча.
Я погрозил проклятьем ей: смирилась
И вышла за седого богача.
Их дом блестящ и полон был, как чаша;
Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
И через год в чахотке умерла,
Сразив весь дом глубокою печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла...

Крестьянина я отдал в повара:
Он удался; хороший повар – счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отечески посёк его, каналью,
Он взял да утопился: дурь нашла!
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил:
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

1847 г.

Когда прощаешь, уже неважно, кто был прав

Протоиерей Фёдор Бородин

И почему отказ от прощения может навредить. «Не забудем, не простим!» – мы слышим эти слова все чаще. Даже христиане обещают никогда не простить врагов или виновников различных бед. Как с этим быть, особенно когда простить и правда трудно? Если я хочу простить, но не могу, что я делаю не так?

«Не простите – и вам не простится» Как бы ты ни был прав по-земному, как бы зло с тобой ни поступили, если ты христианин, то должен понять, что слова «не забудем, не простим» в любом варианте не совместимы с Евангелием.

Неважно, что произошло. В конце концов за всю историю человечества не было большего беззакония, чем мучительная казнь безгрешного Сына Божия на кресте. И мученики умирали за веру, не сотворив никакого зла людям.

Но если бы кто-то из них сказал «не забудем, не простим», мы бы не молились им как мученикам. Их главный подвиг не в терпении мучений, а в том, что, будучи искушаемы очевидным злом, они остались христианами и простили тех, кто их мучил и убивал. Они молились о спасении их души, потому что для них вот этот ближний, раздираемый злом, был большей бедой, чем то, что сейчас заканчивается их жизнь.

Поэтому, если мы ходим в храм, причащаемся Тела и Крови Того, Кто молился о прощении распинавших Его, мы не можем жить с жадной мести и зла другому человеку.

Любой грех можно рассматривать с нескольких точек зрения – как болезнь души, как преступление закона и как ошибку. А ещё как потерю. В случае с непросщением мне кажется, что потеря – самое главное, что можно сказать об этом грехе. Добродетель прощения – это дар богоподобия, который дан человеку. Человека прощает Бог. Христос-Спаситель понёс наши грехи и простил нас, но с условием: *«Ибо если вы будете прощать людям*

согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный» (Мф. 6:14-15).

Прощайте – и будете прощены. Не простите – и вам не простится.

Фактически прощение наших грехов уже даровано, надо только взять. Быть прощённым или не быть оказалось в руках человека. Когда священник крестит, допустим, малыша или взрослого, в чине оглашения, в четвертой молитве он, обращаясь к Господу, произносит удивительные слова: «Ты дал ему власть вечной жизни». То есть дар вечной жизни во Христе Иисусе нам дарован, а власть взять его или отказаться – в моих руках. И непросщение есть отказ от этого.

Преподобный Максим Исповедник говорит, что если ты, будучи прощён, не хочешь сделать ближнего участником дара, то ты этого дара не достоин, ты сознательно отказываешься от того, чтобы быть прощенным Богом, потому что ты не усвоил закон Царства Небесного, где живут прощенные, то есть спасенные Христом. Ты туда войти не можешь, ты там чужой. Ты держишь в душе муку. Непросщение, на самом деле, это мука, это попытка, это боль.

«Ад – это и есть непросщение» Мы прекрасно знаем, как тяжело бывает, когда мы поссорились со своими любимыми людьми. Внутри нас борются желание помириться и, как нам кажется, желание справедливости. А когда мы попросим прощения, когда нас простят и мы простим, мы чувствуем совершенно небесное облегчение.

Мы как будто прикасаемся к миру. И здесь уже человеческая правда – прав ты был, насколько ты прав или не был ты прав, – не

важна. Ты становишься участником вот этой небесной жизни.

Более того, Господь один может творить грех яко не бывший. Это и есть прощение. «Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились», — прозревает о Нем за 600 лет до Голгофы Исаия (Ис. 53:5). И вот оказывается, что человеку, как Богу, дана возможность делать грех как не бывший: когда ты прощаешь, ты другого человека делаешь участником прощения Божиего и его душу как бы вытягиваешь до этого дара.

Давайте вспомним знаменитый эпизод из Евангелия от Иоанна о прощении женщины, взятой в прелюбодеянии, когда все обличаемые совестью после слов Христовых покинули это место и она осталась одна со Христом. Он спросил: «Где твои обвинители? <...> и Я не осуждаю тебя» (Ин. 8:10-11). И так Он свёл вместе прощение человека и прощение Бога.

Ад, в общем-то, это и есть непощение. Как сказал один европейский философ, ад — это тюрьма, которая закрывается изнутри. Человек не пускает туда Бога — с Его прощением, с Его благодатью, с Его радостью от прощения — и остаётся наедине с этим злом. Поэтому все наши потуги духовной жизни имеют смысл только тогда, когда мы желаем простить людей и движемся в этом направлении. Умение простить мы можем назвать в конце концов богоуподоблением, потому что Богочеловек на кресте молил Отца о том, чтобы убивавшие Его люди были прощены, потому что они «не ведают, что творят» (Лк: 23:34). И если ты прощаешь даже тогда, когда перед тобой очевидно виноватый, ты восходишь в богоуподобление. Твоя икона, твой образ Божий расчищаются и начинают сиять светом подобия Господу Иисусу Христу.

www.pravmir.ru

Соборование

Во вторник третьей недели Великого поста в нашем храме прошло Соборование. Служили три священника — наш настоятель о. Алексей Жуков, игумен Вениамин (Форбс), о. Варнава Джеллингс — и дьякон Павел Токарев. Присутствовало более 60 прихожан.

Соборование (Елеосвящение) — одно из семи таинств Церкви.

Его цель — исцеление человека от его недугов, телесных и душевных, а также прощение грехов, как вольных, так и невольных, забытых и тех, о которых человек помнит. Как правило, соборуются люди, которые чем-то болеют. В Послании святого апостола Иакова об этом говорится: *“Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему”* (Иак. 5:14-15).

Dr. Natasha Voin
LEVEL 6

SUITES 618-619

147 PIRIE STREET, ADELAIDE 5000

(facing Hindmarsh square)

PHONE: (08) 722 518 89

(говорим по-русски)

OPENING SPECIALS:

GAP FREE dental treatment for children under 18 years of age (and 25 years for those with BUPA)

GAP FREE check, clean and x-rays (if you do not have any private health cover you will find our fees very reasonable)

Refer a friend and get ½ price tooth whitening

With a bright, modern environment, friendly atmosphere, spacious rooms, and state of the art equipment, you will feel confident that we can provide you with a service that will keep you smiling!

We have flexible working hours, so come see us in your lunch break, or bring the kids in for gap free dental care!

We are preferred providers with BUPA, HCF, accept all major health funds, Dept of Veterans Affairs (DVA), South Australian Dental service (SADS), we bulk bill Medicare Teen Dental scheme and have HICAPS facility for on the spot claims.

Morozov
Migration
Services

Anna Morozov - специалист по миграционному законодательству Австралии и зарегистрированный миграционный агент
MARN 0852237, NAATI сертифицированный переводчик (English-Russian), предлагает:

бесплатную предварительную оценку шансов на получение виз в Австралию
полное сопровождение иммиграционного процесса и/или платные консультации по вопросам связанным с визами:

независимая профессиональная спонсируемая штатом/работодателем

студенческие визы - визы партнера

невесты - родительские визы

туристические и Skills Assessment

профессиональный перевод документов

Звоните: 08 8365 5550 / 0403 168 731

Пишите: info@morozovmigration.com.au

Damien Elberg

Peter Elberg

Peter Elberg
FUNERALS

The death of someone close, whether expected or sudden, is always a stressful experience for family and friends. Important decisions and detailed arrangements need to be made with the caring assistance of someone whom you can really trust.

Serving the
Russian Orthodox Community
with professional care and
complete understanding

*Proudly South Australian
Owned & Operated*

280 Grange Road, Flinders Park SA 5025 Ph: 8234 1266

